С. ПЕТРОВ

10 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

МОСК. ГУБ. КОМИС. ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И МОСКОВСКИЙ ИСТПАРТ

С. Н. ПЕТРОВ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ
1917—1927

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

Типография и Словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
(Мосполиграф)
М.Грузинская, Столярный п.
д. 5-7.

Мосгублит № 43982. Тираж 5000

ОГЛАВЛЕНИЕ

В нынешнем 1927 г. русский народ вместе с остальными народами Союза Советских Социалистических Республик празднует две великих десятых годовщины своей истории.

Первая десятая годовщина уже праздновалась 12 марта (или 27 февраля по старому стилю). Это празднование было по случаю исполнившихся десяти лет с того дня, как под натиском народных масс свалилось, рухнуло царское самодержавие, с того дня, когда революционный народ свергнул с престола царя Николая II силами Февральской революции 1917 г.

Другая, еще более великая десятая годовщина будет праздноваться 7 ноября. В этот день (25 октября по старому стилю), десять лет тому назад, была сброшена власть буржуазии силами Октябрьской революции 1917 г.

Теперь уже все, вплоть до самых крохотных пионеров, вплоть до старой безграмотной деревенской бабки знают, кто такой этот самый буржуй; знают, что в деревне буржуй это раньше был помещик, кулак-мироед, теперь—частник, лавочник-цапала, богатеи разные, бедноту прижимающие, а в городе—спекулянты всякие, предприниматели, фабрикантики и фабриканты,—крупных-то у нас теперь уже нет, за границей же сколько хочешь еще найдется. Теперь все знают, что от буржуазии этой, от буржуев, никогда и нисколько

никому, кроме них самих, никакой пользы быть не может: жадны уж очень, норовят со всякого содрать, чтобы только себя, свое хозяйство приумножить.

Ну, а десять лет тому назад далеко еще не всякий это понимал, не всякому еще было ясно, что буржуй этот, хоть и шикарно, барином одетый и с образованием, что ни на есть самым отличнейшим, все же только и норовит, что об'егорить маломощного и с меньшим образованием и пониманием человека. А коли этого многие еще не знали и не понимали, то и нет ничего удивительного, что в феврале и марте 1917 г. после Февральской революции буржуи эти сумели еще втереть очки большинству рабочих и крестьян и, прикинувшись тоже будто революционерами, захватить власть в свои руки. Но расскажем все по порядку.

★

I

Война

Стонет родина-мать, слезы льются рекой,
С голодухи народ умирает...
Не печалится царь, он на фронт боевой
Миллионы крестьян посылает.

(Из запевок „Дубинушки" военного времени.)

В те времена, начавшись в июле 1914 г., стало быть, уже третий год, тянулась всем уж больно памятная война с Германией, Австрией и Турцией. Война эта была чисто империалистической, т.-е. такой, которая велась с целью завоевания—захвата под свою власть чужих земель. Начиная ее и ведя, как сказано, уж третий год, царское правительство метилось на захват турецкого города Константинополя и проливов Черного моря.

Ни того, ни другого российским рабочим и крестьянам, конечно, совсем не требовалось. Хотелось этих захватов только царской клике, помещикам да буржуазии, чтобы можно было поживиться и от турецкого трудового народа. Поэтому они чуть не из кожи лезли, чтобы поддержать «патриотический» дух и вести эту войну «до победного конца», как они говорили. Между тем, в 1917 г. вообще никакого конца-краю этой войны не было видно, затягивалась она и всех истомила—всех, кроме,

конечно, помянутой царской придворной клики или так называемой аристократии, кроме царских высших чиновников (бюрократии), кроме дворян-помещиков (богатеев-земцев) да заводчиков-фабрикантов (буржуазии). Последним, конечно, от войны была только прибыль—от разных военных поставок, на которых они наживались сверх всякой меры.

Рабочим же и крестьянству, как сказано, война эта, кроме урона, ничего не несла, им от нее приходилось только туго. Угоняли на фронт работников, забирали скот, крестьянское хозяйство падало и разорялось. По подсчету статистиков, к началу 1917 г. на войну было забрано более 14 млн. чел., и вследствие отсутствия работников и нехватки рабочего скота, а стало быть, и удобрений, по деревням были громадные недосевы: земли было засеяно на 19 млн. десятин менее, чем засевалось до войны. Если к этому прибавить, что 3 млн. чел. было на войне убито, искалечено и ранено, то станет понятно, что ко времени Февральской революции, на третьем году войны, война эта огромному большинству так опостылела, что это огромное большинство—все рабочие и крестьяне—только и думали, как бы избавиться от этой ненавистной, всех разоряющей войны, как бы кончить проклятую.

★

II

Февральские громовые раскаты

Братья-солдаты, к рабочим идите.
Братья-солдаты, довольно страдать.
Знамя борьбы широко разверните,
Вместе свободу пойдем добывать.

(Вариант „Марсельезы“.)

Война все больше и больше разрушала народное хозяйство. Железные дороги работали все хуже и хуже, к фабрикам не было достаточного подвоза сырья и топлива. Поэтому многие заводы и фабрики закрывались, а работавшие на них рабочие обрекались на безработицу и голодовку. Хлеба и других продуктов питания в столицах и других городах становилось все меньше и меньше, топить было нечем из-за отсутствия дров, цены на продукты бешено росли. Рабочие голодали, рабочие холодали, и естественное озлобление против правительства, доведшего страну до такой крайности, росло, крепло и ширилось. Рабочие и их семьи искали выхода из своего отчаянного положения. А выход был один—тот, к которому давно уже призывали рабочих руководящие ими организации: «Выходи на улицу для решительной смертной схватки с самодержавием!»

И рабочие поднялись... В двадцатых числах февраля происходившие и ранее частичные заба-

стовки петроградских рабочих начинают разрастаться: давно, еще с 8 февраля, басговал Колцинский завод, 18 февраля забастовал гигант Питера—Путиловский завод, а 22 февраля на нем был об'явлен локаут—было вывешено администрацией об'явление, что завод закрыт на неопределенное время, 30 тыс. рабочих, работавших на этом заводе, были обречены с их семьями на голодовку.

В «Женский день» 23 февраля поднялись работницы и жены рабочих Петрограда. Могучим шествием-колонной они направились к зданию городской думы с требованием, с плакатами: «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!» С разных концов города завеяли, загорелись красные знамена, зазвучали призывные революционные песни. К женщинам присоединялось мужское рабочее население столицы, и улицы были запружены демонстрантами. Конные полицейские неоднократно врезались в толпу и хлестали направо и налево нагайками. В этот день в Питере бастовало более 100 тыс. чел.

На следующий день забастовочное движение продолжало шириться, а с 25 февраля была об'явлена всеобщая забастовка. В этот день бастовало уже до 500 тыс. чел., и улицы были буквально залиты рабочими толпами. Несмотря на полицейские заставы, расставленные на мостах, ведущих к центру города, в целях недопущения в центр рабочих демонстраций, рабочие по льду реки Невы перебирались в центральные части города и весь день устраивали там в разных местах летучие митинги, шествия с красными знаменами и революционными песнями. «Хлеба!», «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Вся помещичья земля народу!», «Да здравствует братство рабочих всего

мира!», «Да здравствует всеобщая политическая стачка!»—вот лозунги-призывы этих дней.

Правительством повсеместно были выставлены против демонстрантов полицейские отряды, но их нехватало, и правительство вынуждено было выставить против рабочих и войска. Рабочие выкрикивали по адресу полицейских проклятья, к войскам же, наоборот, обращались с призывом оказать помощь против полиции и перейти на сторону рабочих за общее дело избавления от насилий, издевательств, голодухи...

И в эти дни отмечались уже отдельные случаи помощи войсковых частей. На Знаменской площади, по призыву рабочих, в ответ на стрельбу полицейские по рабочей толпе казаки кинулись на полицию, зарубили пристава и дали залп по убегавшим от них полицейским. Были и другие подобные же случаи. Но в общем войска, хотя и держали себя в эти дни в большинстве сдержанно, не стреляли, но и не переходили явно на сторону рабочих. В нескольких же случаях была и стрельба со стороны войск, главным же образом стреляла полиция и жандармерия, пустив в ход даже пулеметы. Улицы обагрились кровью рабочих, много было убитых, еще больше раненых, растоптанных лошадьми и исхлестанных нагайками. Ночью же происходили аресты, арестовывались члены различных революционных организаций, в числе их был арестован Петербургский комитет российской социал-демократической рабочей партии (большевиков).

В том же духе происходили события и на следующий день 26 февраля. Рабочие удесятерили свои усилия к привлечению войск на свою сторону, стараясь проникать в казармы, пользуясь всеми случаями, способами для увещания солдат и привлечения их на свою сторону за общее народное дело.

И вот с утра понедельника, 27 февраля, солдатская масса колыхнулась. Волынский, Преображенский, Литовский, Павловский полки один за другим начали переходить на сторону рабочих. Восставшие полки обходили другие казармы и снимали солдат. Присоединялись к ним и некоторые офицеры, большинство же офицеров попряталось, несколько наиболее ненавидимых было тут же убито. Войска вместе с рабочими захватили арсенал. Находившимися там винтовками сейчас же были вооружены рабочие. Ликующие рабочие и солдаты двинулись к тюрьмам освобождать политических заключенных. Полицейские, засевшие на крышах и чердаках многих домов, поливали восставших свинцовым дождем из пулеметов, но, конечно, против войск и вооруженных рабочих устоять долго уже не могли, и восставшие быстро завладевали одним районом города за другим, громили и поджигали полицейские участки, обезоруживали полицейских и жандармов, арестовывали их и приводили в Таврический дворец. Перед казармами Московского полка произошло форменное сражение. Из казарм восставшие были встречены жестоким ружейным и пулеметным огнем. Стреляли офицеры и учебная команда. Наступавшие тоже ответили беглым ружейным огнем. Отдельные солдаты из Московских казарм выбегали и присоединялись к восставшим. В конце концов восставшие пересилили, и офицеры частью были перебиты, частью разбежались. Убитых и с той и с другой стороны было большое количество.

Весь этот день по всему городу трещала ружейная перестрелка, носились с грохотом по улицам грузовые автомобили, переполненные вооруженными солдатами и рабочими. Крепко сжимая в своих руках столь дорогой ценой полученную винтовку, рабочий класс завоевывал свободу. К вечеру пы-

лали Жандармское управление, Окружной суд и Литовский замок. Был уже брошен лозунг об организации по примеру и славным заветам 1905 г. совета рабочих депутатов, первое собрание которого было назначено на этот же день вечером в Таврическом дворце.

В этот же самый день, 27 февраля, в Государственной думе (в Таврическом дворце) происходили вот какие события.

Собравшимся, как обычно, в Таврическом дворце на заседание депутатам был об'явлен царский указ о роспуске думы на неопределенное время. Несмотря на происходящие грозные события, господа думские депутаты не сочли для себя возможным ослушаться царского «повеления». Они подчинились указу, закрыли заседание и зал заседании покинули. Но все же, перейдя в другую комнату и обсудив положение, решили в конце концов выбрать Временный комитет, который, по их постановлению должен был иметь своей целью «восстановление порядка в столице и сношение с общественными организациями и учреждениями». Думцы постановили ввести в этот комитет прежний состав своего так называемого бюро прогрессивного блока, прибавив к нему лишь двух левых социалистической марки депутатов: трудовика Керенского и меньшевика Чхеидзе. Таким образом во Временный комитет Государственной думы вошли: председателем Родзянко — крупный помещик - земец и членами: Шульгин, В. Львов, Шидловский, Милюков, Некрасов, Ржевский, Коновалов, Керенский и Чхеидзе. Кроме двух последних, — все землевладельцы и профессора; Коновалов же—промышленник.

Хотя со стороны некоторых депутатов было сделано предложение, чтобы этот Временный комитет об'явил себя сейчас же властью, так как никакой

власти, кроме восставшего и победившего народа, к тому времени фактически уже не было, однако, это предложение думцами было отвергнуто, так как господа думцы пуще огня боялись, как бы их не сочли тоже революционерами, и действовали очень осторожно. Но дальнейшие события властно толкали думский комитет все к большей и большей решительности: весь день к Таврическому дворцу стекались одна за другой перешедшие на сторону народа части войск для принесения приветствий и отдачи себя в распоряжение Государственной думы, приводились арестованные сановники, полицейские и другие чины; отовсюду к Государственной думе обращались за теми или иными указаниями и распоряжениями. Но всего больше побудило Временный комитет изменить прежнее свое решение и согласиться взять власть в свои руки, несомненно, то обстоятельство, что в лице образовавшегося вечером того же дня совета рабочих депутатов господа думцы с достаточной ясностью увидели слишком опасного для себя конкурента. Так это решение Родзянки «взять власть» и об'ясняет со всем великолепием своего черносотенного бесстыдства депутат Шульгин в своих воспоминаниях. Вот какие доводы он приводит: «Если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...» [1]).

А совет рабочих депутатов действительно к вечеру был уже сорганизован. Был он еще малочислен, так как очень немногие еще фабрики и заводы успели в этот день произвести выборы и послать в совет своих представителей. Был он в большинстве своем соглашательский, так как состоял больше из эсеров и меньшевиков, которые

---

1) В. В. Шульгин. „Дни“, стр. 121.

всегда были больно уж охочи до всяческих соглашений с буржуазией. Большевики не имели возможности принять надлежащее участие в выборах: все они были на улице, руководили и принимали участие в боях восстания. К тому же большевистская организация подверглась гонениям правительства и разгромам более всех других, и огромное количество ее членов находилось на каторге, в ссылке, по тюрьмам Сибири. Поэтому в совет рабочих депутатов первого созыва большевики вошли лишь в ничтожном меньшинстве. В 9 час. вечера 27 февраля открылось первое заседание Петроградского совета. В состав избранного советом на этом первом заседании Исполнительного комитета вошли: Чхеидзе, Скобелев, Керенский, Александрович, Гвоздев, Гриневич, Панков, Сурин [1])—все меньшевики да эсеры, от большевиков прошли лишь трое: Залуцкий, Шляпников и считавшийся тогда большевиком присяжный поверенный Соколов. Впоследствии этот состав Исполкома был пополнен официальными представителями партий.

На этом первом заседании совета выступили с приветствиями солдаты—представители Волынского, Литовского, Преображенского, Павловского и других восставших полков, было сделано сообщение о присоединении к восставшему народу матросского Кронштадта, единогласно было постановлено влить в состав совета рабочих депутатов представителей-депутатов от воинских частей и, таким образом, образовать совет рабочих и солдатских депутатов. Совет сейчас же поручил Исполкому организовать издание и ежедневный выпуск газеты «Известия Петроградского совета рабочих

---

1) Сурин, как впоследствии выяснилось, оказался агентом охранного отделения.

депутатов» и воззваний к населению и занялся продовольственными, финансовыми и другими вопросами.

Так совет начал свою работу...

Несмотря на то, что совет этот, как было уже очевидно, был в большинстве своем соглашательским, сам предложил думскому комитету (с этакими-то Шульгиными в его составе) взять власть в свои руки и фактически сам передал ему эту власть из рук победивших рабочих,—все же, несмотря ни на что, это уже был настоящий, подлинный орган грядущей рабочей власти, которому история готовила столь славные, столь блестящие, столь дорогие для всего рабочего класса страницы.

★

III

В Москве

„Слышишь, Москва?!“

25 и 26 февраля в Москве начали уже ходить глухие слухи о том, что в Питере «началось». Но ничего определенного в эти дни не было еще известно. Лишь к вечеру воскресенья, 26 февраля, пришли более определенные вести о глубоком и серьезном характере питерской борьбы.

В понедельник с утра на заводах и фабриках уже «забурлило», и весь этот день прошел в самом напряженном состоянии, а 28-го, с утра, рабочие почти повсеместно стали бросать работу и после кратких митингов выходить на улицу с приготовленными еще накануне красными флагами. Шли на соседние фабрики, «снимали» работавших еще товарищей, соединялись с ними, и вместе общим бурным потоком двигались в центр по направлению к городской думе.

Полиция, еще накануне державшаяся гоголем и уверенным зычным голосом командовавшая «р-р-р-а-сходись!», уже присмирела, уже поджала хвост, уже почуяла в этих грозно надвигавшихся колоннах что-то слишком большое—свой последний день,—почуяла и не осмеливалась уже что-либо предпринимать против этого грозно-уверенного по-

тока рабочих отрядов, а где осмеливалась—сейчас же сметалась толпой. Так, на Яузском мосту какой-то шалый негодяй-пристав с цепью городовых вздумал было задержать демонстрантов и выстрелом из револьвера убил передового—рабочего завода Гужона И. Т. Астахова. В негодовании толпа сбросила гада с моста в Яузу.

Но таких случаев было сравнительно немного, всего два-три на всем протяжении февральско-мартовских дней. В огромном же большинстве случаев толпа, приблизившись к полицейским, тут же, без сопротивления с их стороны, их обезоруживала и стремительной лавиной двигалась дальше—к думе, к городской думе!

Там в минувшую ночь был уже создан Временный революционный комитет.

Толпы наступали... Со всех сторон вливались на Воскресенскую площадь (ныне площадь Революции) рабочие колонны и запружали ее до-отказу...

> Долго в цепях нас держали,
> Долго нас голод томил...

неслось с одного конца площади,

> Черные дни миновали,
> Час искупленья пробил!

уверенно-твердо отвечали рабочие колонны с другого конца.

С крыльца городской думы представители Временного революционного комитета, крича для усиления голоса в трубу-рупор, оповещали толпу о совершившемся в Питере перевороте, приглашали собравшихся итти к воинским казармам, к солдатам с призывом присоединиться к революционному народу, призывали направиться к тюрьмам для освобождения оттуда политических заключенных.

Толпы уходили к казармам, толпы уходили к тюрьмам, а на смену им прибывали новые и новые отряды рабочих, наполняли битком думский зал, где беспрерывно шел митинг, открывали отдельные митинги тут же на площади и ожидали новостей из Питера, каковые по их поступлении тут же оглашались с помощью рупора представителями Временного революционного комитета.

Стали подходить отдельные воинские части, присоединившиеся к революции. Войска встречались толпами с восторгом и громовым «ура!».

Началась в тот же день в думе и организация Красной гвардии, преимущественно из рабочих; их снабжали отобранными у полиции револьверами.

До глубокой ночи площадь гудела многотысячным гулом.

— Товарищи, завтра с утра об'является общая забастовка. Никто не должен приступать к работе—никто, кроме товарищей, работающих по продовольствию. Выбирайте и присылайте в городскую думу своих представителей в совет рабочих депутатов, который завтра соберется здесь же в 12 час. дня,—неоднократно оповещали в трубу-рупор в этот вечер члены Временного революционного комитета. К тому же призывали листки, выпущенные им же.

«Товарищи! Сегодня, 1 марта, решительный день для Москвы. Революция должна победить. Старая власть будет уничтожена...» — так начиналась листовка, выпущенная Московским комитетом большевиков и читавшаяся на всех заводах и фабриках с утра 1 марта. И дальше: «Старая власть вызвала против себя всеобщую ненависть. Эта ненависть об'единила весь народ. Петроградский пролетариат начал первый: своею кровью он запечатлел начало революции... Гарнизон Петро-

града стал на сторону восстания. Петроград уже очищен от скверны старой власти. Дело за Москвой: вчера она дала ответ. Улицы покрылись пролетариатом. Небывалые по размерам митинги и демонстрации шли весь день, кипела работа по организации восстания. Выяснилось, что большинство московского гарнизона будет за революцию. Организовались в казармах восстания. Сегодня день восстания—день захвата всех правительственных учреждений, оружия, железных дорог, почт и телеграфа. Государственный банк и казначейство будут отняты у старой власти. Сегодня великий день. Поддержим наших петроградских братьев, не дадим послать на Питер войск для усмирения, не предадим петроградского пролетариата в руки царского палача. Все на улицу. Все за дело. Организуйте великую пролетарскую силу...

Да здравствует революция демократическая, рабочая и крестьянская! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия и международный пролетариат!»—так говорилось далее в той же прокламации большевиков.

«Об'являю город Москву с 1 сего марта состоящим на осадном положении. Запрещаю всякого рода сходбища и собрания, а также всякого рода уличные демонстрации. Запрещается выходить ранее 7 час. утра и после 8 час. вечера, кроме случаев служебной необходимости»,—так рычал в этот же день командующий войсками Московского венного округа генерал Мрозовский в расклеенных кое-где на улицах об'явлениях. Но это его рычанье было последним и притом совершенно уже беззубым—не только для Мрозовского, но вообще для старой царской власти: зубы ей уже накануне были спилены до основания. В тот же день Мрозовский был арестован.

Утро 1 марта на всех фабриках и заводах было посвящено избранию своих представителей в совет рабочих депутатов. Повсеместно происходили собрания и обсуждались кандидатуры. Хотя к выборам рабочие относились с полной серьезностью, но все же в огромной массе прошли беспартийные; во-первых, потому, что партийцев вообще-то в те времена было сравнительно немного, во-вторых же, потому, что просто на партийность в то время мало еще обращалось внимания: подавляющая масса рабочих еще не видела, еще не прочувствовала в то время различия между большевиками, эсерами и меньшевиками. Выбирали большей частью просто надежных товарищей на последний, решительный натиск на самодержавие, а не на длительную упрямую борьбу, которая, как оказалось впоследствии, им предстояла. Поэтому и в Москве оказалось так же, как в Питере: выбранных в совет большевиков оказалось сравнительно очень и очень немного, и им с самого же начала пришлось начать борьбу не только против царизма, не только против буржуазии, но и против соглашательских партий—меньшевиков и эсеров, которые все время, до самой осени, имели большинство в Исполкоме.

Сейчас же после выборов избранные депутаты поспешили в городскую думу, где в 12 ч. дня должен был собраться на первое свое заседание совет рабочих депутатов. Остальные рабочие, построившись в колонны, со знаменами и пением направились туда же, готовые в случае чего стать крепкой стеной на защиту своих избранников-депутатов.

Колонны шли в центр совершенно уж без всяких препятствий, полиция уже почти повсеместно попряталась и не рисковала показываться.

— Вот-те и осадное положение!—острили рабочие по адресу генерала Мрозовского.

Чем ближе к городской думе, тем поток рабочих колонн все гуще и гуще. Забастовка полная, трамваи не ходят, заводы не дымят. Внутренность думы кишит, как муравейник. К думе подходят одна воинская часть за другой — с барабанным боем, с красными ленточками на штыках винтовок — и отдают себя в распоряжение революционного народа. Отдельные отряды рабочих занимаются розыском и ловлей по городу полицейских — городовых, околоточных, приставов, жандармов, охранников, отбирают у них оружие и под веселые выкрики и остроты или негодующие возгласы окружающих по адресу «фараонов» ведут их целыми пачками и вереницами в думу, где все они помещаются под стражу. Перешедшими на сторону революции войсками и рабочими занимаются почта, телеграф, телефоны, банки, арсенал, градоначальство и ненавистное всем охранное отделение. Старые власти арестовываются. Народ ликует, хотя все еще настроены настороженно: усиленно ходят слухи, что с фронта отправлены войска для усмирения.

Первое заседание Московского совета рабочих депутатов открылось при полном до-отказа зале представителем Временного революционного комитета. Сейчас же был избран председатель. Прошел меньшевик Никитин. В Исполнительный же комитет прошли и большевики, хотя, конечно, в меньшинстве, из них несколько очень старых испытанных членов партии: В. А. Обух, В. П. Ногин, П. Г. Смидович (последний прошел даже председателем Исполкома). Исполком выделил из себя необходимые комиссии, и работа с первой же минуты закипела кипучим ключом.

Московский комитет партии большевиков дал своим членам, выбранным в совет рабочих депутатов, следующий наказ:

«Народ проливал свою кровь в революционной борьбе не для того, чтобы заменить правительство Протопопова[1]) правительством Милюкова—Родзянко. Он восстал не для того, чтобы буржуазия посылала на убой народные массы для расширения рынков, для захвата Константинополя и проливов, Галиции и Армении.

В революционной борьбе пролетариат стремится достигнуть свободы для борьбы за социализм— свою конечную цель. Эту свободу он может получить только в демократической республике.

Конфискация земель у помещиков,—вот то завоевание, которого достигает крестьянство, идя за рабочим классом в революционной борьбе.

Наш депутат должен зорко следить за делами буржуазии. Сменив царя, она постарается спасти царствующий дом. Монархия дает буржуазии опору против рабочих, помещикам—против революционных крестьян.

Теперешняя Государственная дума и избранный ею комитет готовы решить без народа, каков будет у России политический строй.

Этот вопрос может решить только Учредительное собрание, избранное всем народом на основании всеобщего, равного для всех избирательного права с прямым и тайным голосованием.

Учредительное собрание подтвердит и утвердит все решения, которые будут проведены Временным революционным комитетом: 8-часовой рабочий день, свобода союзов, печати, собраний и стачек.

Московский совет рабочих депутатов в союзе с революционными организациями других мест должен возможно быстрее создать Временное революционное правительство.

---

1) Протопопов—особенно ненавистный всем министр внутренних дел последнего царского правительства.

Наш делегат должен помнить, что братоубийственной войне должен быть положен самый скорый конец. Он должен способствовать тому, чтобы российская демократичесская революция послужила сигналом к пролетарской революции на Западе.

Одним из самых первых требований рабочих депутатов должно быть немедленное освобождение всех без исключения политических заключенных, возвращение сосланных и немедленное возвращение в Государственную думу 5 социал-демократических рабочих депутатов.

Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Не напрасно Московский комитет в этом своем наказе предостерегал от доверчивого отношения к буржуазии и помещичьим слоям, якобы, тоже стоящим за революцию. С этим Московскому совету сразу же пришлось столкнуться по вопросу о выборах в совет солдатских депутатов. Когда по поручению совета тт. Смидович и Обух начали вести об этом переговоры с новым командующим войсками Московского военного округа полковником Грузиновым, назначенным на место арестованного и смещенного Мрозовского, то Грузинов (бывший до того времени председателем Московской земской управы) начал всячески стараться этот вопрос оттянуть, подменить другим, ставить разрешению его всяческие препятствия, пускался даже на прямой обман и т. д.: больно уж не хотелось этому дворянину и помещику (да не ему одному, а вообще всему офицерству), предоставлять политические права «серой скотинке», каковой были, по их понятию, солдаты бывшей царской армии. Офицерство особенно враждебно было настроено к «солдатскому вопросу» из-за выпу-

щенного к тому времени Петроградским советом знаменитого приказа № 1, который давал широкие по тому времени права солдатам и который всех всполошил: солдатам окончательно открыл глаза на их бесправное, унизительное положение и указывал, как именно это положение необходимо изменить, офицерство же привел в ярость, ибо лишал их привычных привилегий, которыми они, как «белая кость», до сих пор пользовались. Поднялся яростный вой о «разложении» армии и других ужасах. Этот приказ был большевиками широко распространен среди войск, и хотя соглашатели-меньшевики и эсеры из Петроградского совета согласились в конце концов на его отмену,— уже одно знакомство с ним помогло товарищам солдатам быть решительнее в своих справедливых требованиях. Офицерам же и буржуазии приказ этот показал, что если они не пойдут в «солдатском вопросе» на уступки, то дело может кончиться для них совсем скверно.

Все же, несмотря на всяческие препятствия, совет солдатских депутатов, в конце концов, был через несколько дней созван, а в полках и отдельных воинских частях были образованы полковые и ротные комитеты.

В первые же дни Февральской революции, еще раньше совета рабочих депутатов, в Москве был создан общегражданский Комитет общественных организаций, к которому после революции перешла роль высшей гражданской власти в Москве. Комитет этот был образован из представителей всех слоев населения: в него входили представители земства, городского самоуправления, биржевого и военно-промышленного комитетов, кооперативов, больничных касс и других общественных организаций; состоял он из 150 членов. 20 мест в нем было предоставлено совету рабочих депутатов.

Предостережения Московского комитета о враждебных революции намерениях буржуазии сейчас же нашли себе подтверждение и в вопросе о вооружении рабочих. Вопрос этот был поставлен на первых же заседаниях Московского совета, и по нему было вынесено постановление о безотлагательной необходимости немедленного вооружения рабочих. Но Комитет общественных организаций, от которого зависело проведение в жизнь этого постановления, всячески начал тормозить это дело, тормозил всеми силами и оттягивал его и избранный председателем совета рабочих депутатов меньшевик-соглашатель Никитин, на которого вскоре была возложена организация милиции и охрана города. Никитин тормозил этот вопрос настолько успешно, что вооружение рабочих в Москве так и не было проведено.

IV

Отречение и арест Николая II. Образование Временного правительства. Окончание забастовки

„Был Иван всем,
Стал Иван ничем".
(Народная поговорка.)

Но особенно наглядно и ярко подтвердилась правильность предостережения большевиков о вероломных замыслах буржуазии в предпринятых Временным комитетом Государственной думы шагах к сохранению монархии. 2 марта с этой целью Временным комитетом Государственной думы были отправлены в г. Псков, где в то время находился Николай II, член Государственного совета Гучков и член Временного комитета Шульгин с поручением получить от царя и привезти с собой отречение его от престола, но не просто отречение, так сказать, «вчистую», каковое ознаменовало бы собой и формально закрепило произведенное уже народом на деле свержение царизма. Нет, думские помещики и буржуа отправили своих посланцев получить от Николая Романова отречение в пользу его малолетнего сына Алексея с тем, чтобы правил за него «российской державой» брат царя Михаил. Думские Милюковы и Родзянки силились во что бы

то ни стало свести на-нет только что одержанную народом победу над царизмом и вернуть русский народ в то же состояние «верноподданных своему государю», как и до революции. Всем этим буржуазным помещикам, депутатам Государственной думы, хотелось только персональной смены Николая, но не более. Ведь неудачи войны показали им со всей очевидностью, что при николаевско-распутинских порядках, при воровстве чиновников, продажности генералов нечего и думать о завоевании Константинополя и других лакомых для буржуазии кусков—не до жиру, быть бы живу! Поэтому они и были озлоблены против Николая, в чем с ними были согласны даже некоторые генералы и офицеры, но против монархии они не были никогда. Они желали сменить Николая другим, менее дрянным царьком, но еще больше желали, чтобы монархия, при которой они чувствовали себя так удобно и хорошо, осталась—хотя, может быть, и ограниченная, чтобы война не прекращалась, но чтобы, вследствие смены царя, стала бы более для них удачной и еще более прибыльной. Этим и об'ясняется, что даже такие «зубры», как черносотенный депутат Государственной думы Шульгин после первых побед революции стали способствовать сами и уговаривать царских генералов тоже способствовать отречению Николая от престола, надеясь, что со сменой царя им будет еще теплее и еще сподручнее увеличивать свои барыши.

Но, во-первых, сам Николай основательно спутал им все их карты: в последнюю минуту он не захотел отрекаться в пользу сына, а отрекся в пользу брата своего Михаила; во-вторых же, и в самых главных, чуть только думские заправилы заикнулись перед собравшимися в залах Таврического дворца толпами рабочих и солдат о

своих намерениях сохранить монархический образ правления, это их сообщение возбудило столь сильное негодование всех присутствующих, раздались такие внушительные протесты и крики: «Долой династию, да здравствует республика!», что думским «зубрам» стало совершенно ясно, что этот их номер ни в коем случае не пройдет. Весть о предательских замыслах буржуазии моментально разнеслась по всей столице и преисполнила всех пламенным негодованием. Поэтому, когда 3 марта думские посланцы вернулись с актом отречения, то думским Родзянкам ничего больше не оставалось, как самим же дать благой совет Михаилу об отречении и с его стороны, на что он в конце концов и согласился, правильно учтя, что иначе дело может кончиться для него совсем-таки плачевно: питерские рабочие и солдаты были настроены слишком недвусмысленно.

Михаил отрекся «вчистую», без назначения вместо себя кого бы то ни было. Таким образом, согласно даже российским законам после его отречения не стало на «святой Руси» ни царя, ни монархии. Самодержавие, столь ненавистное всем революционерам, было свалено долой и навеки.

Ликовали революционеры, ликовали рабочие: ведь с падением самодержавия для них открывались широкие возможности бороться в гораздо более свободных условиях за свою конечную цель, за социализм.

В тот же день, 3 марта, состоялось и опубликование окончательно образованного накануне вечером состава первого послереволюционного совета министров—Временного правительства. В состав его вошли: председателем и министром внутренних дел—князь Г. Львов, министром иностранных дел—Милюков, министром народного просвещения—Мануилов, министром финансов—Терещенко,

торговли и промышленности—Коновалов, путей сообщения—Некрасов, военным министром—Гучков, земледелия—Шингарев, юстиции—Керенский, государственным контролером—Годнев, обер-прокурором Синода—В. Львов. Состав этого Временного правительства был согласован с Питерским советом рабочих и солдатских депутатов, и этот последний дал свое согласие на поддержку этого чисто-буржуазного (кроме Керенского) состава Временного правительства, поскольку оно будет выполнять свои данные совету обязательства: 1) О полной амнистии, т.-е. об освобождении и восстановлении в правах всех осужденных и сосланных революционеров и лиц, осужденных по религиозным и аграрным обвинениям; 2) о проведении полной свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек; 3) об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; 4) о немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, каковое Учредительное собрание должно будет установить формы правления и конституции страны; 5) о замене полиции народной милицией; 6) о выборах в органы местного самоуправления также на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; 7) о неразоружении и невыводе из Петрограда воинских частей, принимавших участие в февральском перевороте; 8) об устранении для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

При обсуждении в Питерском совете рабочих и солдатских депутатов этого вопроса о Временном правительстве большевики предлагали вовсе не допускать в состав правительства буржуазию, а избрать весь состав Временного правительства из

своей же среды, из состава совета рабочих и солдатских депутатов, но соглашательские партии меньшевиков и эсеров воспротивились этому, и предложение большевиков не прошло: за него голосовало всего лишь 19 чел., так как большинство беспартийных шло за соглашателями.

Само собой разумеется, что после отречения Николая II оставлять его свободно раз'езжать по России, как это он проделал сейчас же после отречения, подавшись в г. Могилев, в ставку верховного главнокомандующего, было бы совершенной нелепостью. Поэтому и Питерский и Московский советы рабочих и солдатских депутатов немедленно же потребовали от Временного правительства, чтобы Николай и семья его были арестованы. А так как Николай II одновременно с отречением подписал указ о назначении верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, то и Питерский и Московский советы потребовали также недопущения этого самого августейшего родственничка бывшего царя к принятию такого командования. К их требованию присоединился даже Московский Комитет общественных организаций. Под таким давлением Временному правительству ничего больше не оставалось, как издать 7 марта постановление об аресте бывшего царя и его семьи, каковой арест и был произведен на следующий день. Николай был доставлен и водворен на жительство под надзор военной стражи в Царскосельский дворец. Николай Николаевич и другие великие князья подали в отставку. Бывшие же царские министры и другие сановники были все переарестованы еще в дни восстания.

Взамен этих шакалов и матерых волков самодержавия рабочие стали с нетерпением ожидать возвращения из далекой сибирской ссылки, с каторги своих испытанных борцов-революционеров,

указ об освобождении которых и почетном их возвращении был подписан Временным правительством 6 марта.

К 5 марта полная победа революции настолько уже выяснилась, что Московский совет рабочих и солдатских депутатов признал возможным об'явить (одновременно с Питером) о прекращении забастовки и призвать московский пролетариат к возобновлению работы. 6 марта работы на удивление дружно и дисциплинированно возобновились, а через неделю, в воскресенье, 12 марта, рабочая Москва отпраздновала свою победу и свержение самодержавия величественной, невиданной еще доселе в Москве грандиозной демонстрацией, полной ликований, полной рвущегося из души многотысячной толпы восторга.

С раннего утра зазвучали по Москве свободные революционные гимны и песни. Лес красных знамен и плакатов заколыхался по направлению с окраин к центру. Рабочие шли стройными рядами с радостными лицами—все с красными бантами, по-праздничному одетые, шли воинские части — больше уже не покорные исполнители генеральских приказов об усмирении борющихся за свободу рабочих, но уже тесно спаянные с последними «братья по делу», шла учащаяся молодежь, шли просто обыватели, тоже радостно возбужденные, шли по расцвеченным красными флагами улицам— свободные и гордые этой завоеванной свободой... «Да здравствует Учредительное собрание!»,—кричали и плакаты, и толпы, и отдельные ораторы. «Да здравствует Учредительное собрание!»,—бросались тучами белых листовок мчавшиеся грузовые, тоже разукрашенные во все красное, автомобили. «Да здравствует Учредительное собрание!»,—приветствовали демонстрантов на Театральной площади представители Московского совета рабочих

и солдатских депутатов, Московского комитета большевиков и других политических партий. «Да здравствуют наши депутаты!», «Да здравствует демократическая республика!»—и громовое переливчатое ура гремело ответом со стороны двигающейся по проездам Театральной площади в течение нескольких часов бесконечной ленты демонстрантов.

«Товарищи рабочие и граждане!

Сегодня наш праздник, праздник революции. В стране «битых и безграмотных рабов», в «бедной замордованной России», где веками царили наглый произвол и безграничное насилие, где беспощадно-жестоко преследовалось и давилось всякое стремление к лучшему, занялась, наконец, заря новой свободной жизни.

Свободно и открыто развевается над нами то красное знамя революционного пролетариата, каждое появление которого на улице встречалось доселе избиениями и расстрелами.

Открыто и свободно звучат сегодня наши песни, наши лозунги, наши речи.

Перед миром обездоленных и угнетенных открылась теперь широкая возможность повести открытую и организованную борьбу против мира всякой эксплоатации, хищничества и насилия...

Да здравствует Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Да здравствует мир и братство народов!

Да здравствует международный социализм!»

Так писала в этот день в своем № 6 газета «Социал-демократ»—орган московских большевиков, начавшая выходить в свет с 7 марта 1917 г.

V

Борьба за массы

„Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях...“

(Ленин.)

Если буржуазии не удалось одурачить рабочих и крестьян в вопросе о сохранении любезной для нее монархии, если этот номер у нее не прошел благодаря грозному для нее единодушию в этом вопросе огромного большинства пролетариата, солдат и даже мелкой буржуазии, то тем более цепко, поистине «мертвой хваткой», ухватилась она за вопрос о войне.

Для временных выигрышей в этом вопросе у буржуазии оказалось шансов гораздо больше: недаром же буржуазные газеты в миллионах экземпляров изо дня в день два с лишком года отравляли умы рабочих, крестьян и солдат «патриотическим» воем и свистопляской об «освободительном», а не захватном характере ведущейся войны, о германских (а не общих и одинаковых для всех воюющих держав) зверствах и варварстве в способах ведения этой войны, о «защите дорогого отечества» от занесенного над ним «германского кулака», от надвигающейся на него, чтобы придавить тяжелой пятой, «грубого германского сапога».

К тому же, если у крестьянства до революции не могло быть сколько-нибудь серьезных побуждений и охоты защищать и отстаивать не свои, а помещичьи земли, то после Февральской революции картина получилась уже иная. Хотя Временное правительство и соглашательское большинство совета рабочих депутатов и совсем не шибко торопились с разрешением и проведением в жизнь аграрного вопроса, крестьянство все же думало-таки свою крестьянскую думу об отобрании в свою крестьянскую собственность помещичьей земли. Поэтому для ведения «оборонительной», как галдели кругом, войны, защищая без пяти минут собственную уже свою, а не помещичью землицу, по пониманию крестьянства, резонов было уже гораздо больше.

Вот почему, хотя к тому времени война уже всем предостаточно осточертела, всех, кроме буржуазии, разоряла и обездоливала,—вот почему довольно долго еще после падения царизма буржуазии удавалось втирать очки большинству рабочих и крестьян в этом треклятом вопросе о войне. Конечно, и в этом вопросе буржуазия имела бы успех неизмеримо меньший, если бы тут ей не помогали, поистине не за страх, а за совесть, соглашатели из советов—меньшевики и эсеры.

Хотя эти соглашатели и «требовали» от Временного правительства отказа от захватнических целей войны и превращения этой войны исключительно в оборонительную, но именно этим-то самым они и способствовали закреплению совершенно нелепых и несбыточных надежд о возможности «переделать» класс—буржуазию, заставить ее, держательницу власти, пойти против самой же себя, против своих же собственных интересов класса. Это было, конечно, сплошной нелепостью: нельзя заставить зубастого волка поступать не по-волчьи,

а именно такие несуразно-неосуществимые надежды-иллюзии и прививали массе рабочей и главным образом солдатско-крестьянской советские соглашатели—меньшевики и эсеры.

На словах буржуазное Временное правительство как будто бы действительно шло на уступки «требованиям» советов рабочих и солдатских депутатов, на деле же упорно вело свою линию, чаще всего успешно принуждая самих же соглашателей итти ему на уступки—измену. Так, в своем «заявлении» 27 марта о целях войны Временное правительство, еще и еще раз наиторжественнейше провозглашая, что дало «торжественную клятву служить народу», заверяло простачков-соглашателей и втирало очки недостаточно прозревшим еще массам, что оно, буржуазное Временное правительство, «считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России—не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение полного мира на основе самоопределения народов». «Русский народ,—говорилось далее в этом же заявлении,—не добивается внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения».

Таковы были слова... Дело же было совсем другое, совсем на слова не похожее. Приведенное выше свое «заявление» Временное правительство и не подумало послать за границу, другим государствам, а, как уже сказано, помазало им только по губам российских простачков-соглашателей, а когда они (почти уже через месяц!) это обнаружили и снова «потребовали» отсылки этого заявления «союзникам»—империалистам других стран, то Временное правительство хоть и поручило российским представителям при союзных державах со-

общить им «обозначенный документ», но вместе с тем препроводило «ноту» министра иностранных дел Милюкова, где державы заверялись, что «заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе». Наоборот: Временное правительство божилось «союзникам» о «всенародном» стремлении вести войну до победного конца, и что оно, Временное правительство, «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников». А «обязательства»-то эти и были как раз захватнического свойства!

Конечно, такое двурушничество тотчас же было разоблачено большевиками, и Милюкову пришлось подать в отставку, ибо рабочие и солдатские массы, узнав истину, сейчас же «его ушли», по его же собственному выражению.

Примеров такого двурушничества Временного правительства, двурушничества, частенько «незамечавшегося» соглашателями, можно было бы привести изрядное количество. Временное правительство, например, издало указ об амнистии и о «почетном» возвращении революционеров из ссылки, каторги, из тюрем и в то же время сделало все, что было в его силах, чтобы возвращавшимся из-за границы русским эмигрантам-революционерам, тем из них, которые боролись или о которых Временное правительство предполагало, что они будут бороться против войны, чинились всяческие препятствия скорейшему возвращению. Так, группа политических эмигрантов, возвращавшихся во главе с товарищем Троцким из Америки в Россию, была английским правительством арестована, и для их освобождения потребовалось вмешательство Исполкома Петроградского совета. Был также

задержан английскими властями эсер Чернов, возвращавшийся из Франции.

Одним словом, российской буржуазией были пущены в ход все способы и все силы, могущие способствовать продлению войны, и, наоборот, она не задумывалась в средствах против противников войны—большевиков, распространяя о них всяческую гнусную ложь-клевету, вплоть до изображения их германскими шпионами.

Но если буржуазия ухватилась так цепко за вопрос о продолжении войны, то и большевики в свою очередь считали этот вопрос наиважнейшим и самым серьезнейшим, коренным вопросом для данного момента.

Решение этого вопроса в ту или иную сторону зависело, конечно, прежде всего и больше всего от масс—рабочих и крестьянских. Поэтому борьба за войну была в то же время борьбой за массы. За кем пойдут массы в этом вопросе: за буржуазией и сильно поддакивающими ей в этом вопросе соглашателями, или в конце концов, отвернувшись от них, поверят большевикам и в большевиков,—вот вопрос, который для того момента был решающим вопросом всей революции и вокруг которого вертелись все другие вопросы того времени. Завоевание масс—вот цель и содержание работы и борьбы большевиков на всем отрезке времени от Февральской до Октябрьской революции, работы и борьбы колоссально-напряженной, колоссально-трудной, но бодрой, ладной и радостной.

Трудность этой борьбы за массы усугублялась для большевиков еще и тем обстоятельством, что с этим проклятым вопросом о войне и в среде самих большевиков в тот период времени не все обстояло благополучно: не все еще большевики додумались в то время, достаточно уяснили себе и твердо наметили ту прямую безуклонную линию,

которая потом, спустя месяц-полтора, повела их прямиком и неуклонно, все быстрее и быстрее к полному завоеванию масс и к полной победе. В газете «Правда», например, центральном органе большевиков, в марте 1917 г. появлялись подчас статьи, с которыми огромное большинство партии вовсе не было согласно. Такие статьи вносили, конечно, в большевистскую партийную среду некоторые недоумения и шатания и вредили успешности борьбы. В № 9, например, появилась статья «Без тайной дипломатии», написанная тов. Каменевым, в которой утверждалось, что «война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русских и еще повинуется своему императору, жадно стремящемуся к добыче на полях смерти», и что свободный русский народ «будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд снарядом». «Россия,— говорилось в той же статье,—связана союзами с Англией, Францией и другими странами. Она не может действовать в вопросах мира помимо них». Статья эта запутывала вопрос о продолжении войны и подменяла прямую безоговорочную большевистскую линию на прекращение войны линией, уже несколько напоминающей оборонческую линию соглашателей.

Всякой такой разноголосице в среде большевиков положил конец (хотя далеко не сразу) приезд из-за границы, из эмиграции, давнишнего, всеми признанного и испытанного вождя большевиков—непреклонного, никогда не шедшего ни на какие соглашения с буржуазией, беспощадно разоблачавшего всяких соглашателей—Владимира Ильича Ленина.

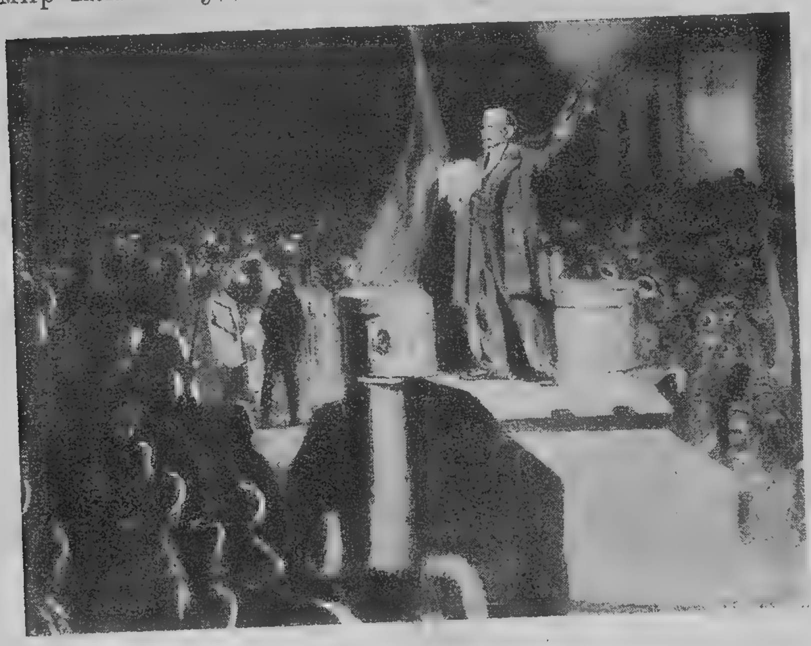
VI

Приезд Владимира Ильича

В момент революции Владимир Ильич жил в Швейцарии, в нейтральной, не воевавшей стране, но окруженной войной со всех сторон. Чтобы вернуться в Россию к товарищам, нетерпеливо ждавшим своего вождя и учителя, Владимир Ильич должен был или проехать кружным путем, через страны «союзников», или избрать более прямой путь—через воюющую с Россией Германию. И сам Владимир Ильич и собиравшиеся возвращаться вместе с ним товарищи, конечно, прекрасно сознавали, что «союзнички» пустятся во все тяжкие, лишь бы воспрепятствовать его возвращению, будут чинить всякие пакости и гнусности, чтобы только задержать вождя «войны против войны»—самого стойкого, непоколебимого.

Зная это и вовсе не желая попасть, как кур во щи, в цепкие и загребистые руки «союзников», Владимир Ильич и его спутники предпочли попытаться проехать через вражескую тогдашней России Германию. Они правильно учитывали, что германское правительство сочтет для себя выгодным способствовать возвращению в Россию такого противника войны, как Владимир Ильич, агитация которого в России против войны будет, мол, на-руку германской буржуазии, ибо ослабит, мол, напор

русской армии. Так действительно и случилось. Германское правительство именно на это и понадеялось, дав разрешение Владимиру Ильичу и его спутникам проехать через Германию. Но немецкие «хитрецы», конечно, жестоко просчитались: разве по их силенкам было додумать, что Владимир Ильич будет не только гасить империалистическую войну, но и разжигать со всех концов беспощадно-грозный для них и губительный социалистический мировой красный пожар на погибель всей буржуазии?

Приезд Ленина в Петроград.

Как бы то ни было, разрешение на проезд через Германию было получено. Получил его для Владимира Ильича и его спутника швейцарский, тогда социал-демократ, теперь коммунист, тов. Платтен,

который от лица русских товарищей подписал даже с представителями Германии особый договор об их проезде, в силу какового договора возвращавшиеся руссские должны были ехать в особом вагоне и в течение всего переезда через Германию не выходить из вагона. Это именно условие и породило позже болтовню, будто Владимир Ильич ехал в «запломбированном» вагоне. На самом же деле вагон этот запломбированным не был вовсе, а был самым обыкновенным вагоном III класса с незапертой дверью, но из которого и в который, в силу упомянутого договора, никто не выходил и не входил, кроме тов. Платтена, сопровождавшего возвращавшихся до финляндской границы и ведшего за них все сношения с германскими чиновниками и железнодорожной администрацией.

3 апреля (16-го, по новому стилю) все участники поездки, в числе 32 чел., из них 19 большевиков, во главе с Владимиром Ильичом прибыли в Питер. Едучи, они готовились ко всему, готовились к тому, что будут сейчас же по приезде все арестованы, ибо в парижских газетах еще до их от'езда появилось сообщение о том, что министр Временного правительства Милюков, узнав о намерении эмигрантов проехать через Германию, заявил, что он будет рассматривать их как государственных изменников.

Но вместо грозной стражи Милюкова прибывшего Владимира Ильича встретили грозные для Милюкова толпы вооруженных рабочих и содат с броневиками, со знаменами, поспешившие к Финляндскому вокзалу встретить и радостно приветствовать своего искренно любимого вождя, своего учителя, а в случае чего и дать грозный броневой отпор всякому и всем, кто неладно вздумал бы сунуться враждебно к дорогому вождю.

Но сунуться не посмели... Сейчас же по приезде Владимир Ильич взобрался на броневик и с высоты его произнес свою первую приветственную, встреченную ликованием речь, да так и ехал на броневике, окруженный ликующей толпой, до самого Петроградского комитета большевиков. Медленно двигался броневик среди толпы, то-и-дело раздавались новые и новые приветствия по адресу Владимира Ильича, всю дорогу Владимир Ильич отвечал на эти приветствия—тоже ликующий вместе с массами их ликованием.

★

VII

Кто кого?

„Кто кого“.

Ленин.

Приехал в Питер Владимир Ильич Ленин 3 апреля вечером, а на другой день, 4-го, выступил уже с докладом о задачах революционного пролетариата, канвой к которому, основой, явились знаменитые с того времени его тезисы (краткие, очень сжатые мысли, «сгустки» доклада) «О задачах пролетариата в данной революции». Эти тезисы вызвали по отношению к Владимиру Ильичу крайнюю злобу и нападки как со стороны буржуазии, так и со стороны меньшевиков и эсеров. Даже некоторые большевики пытались выступать против тезисов—пока созванная недели через три апрельская Всероссийская конференция большевиков не подтвердила большинством голосов совершенную правильность этих тезисов, чем и был положен решительный конец каким бы то ни было уклонам в среде большевиков от единой в дальнейшем линии их работы в целях развития, расширения и углубления революции.

Тезисы Владимира Ильича предостерегали от оказания какой бы то ни было поддержки Временному правительству, как правительству буржуаз-

ному, говорили о необходимости раз'яснять «полную лживость всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексии» (захватов иностранных земель).

Тезисы устанавливали необходимость «особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо раз'яснять» массам, что ведущаяся война ни в коем случае не может рассматриваться как оборонительная, невзирая ни на какие заявления об этом Временного правительства; что война эта, как и раньше, продолжает быть империалистской, захватнической, и кончить эту войну «не насильническим миром нельзя без свержения капитала», свержения буржуазии. Как первый шаг к агитации против войны тезисы рекомендовали «братанье».

Далее тезисы говорили о том, что «от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата», необходимо теперь же стремиться перейти «ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

Необходимо,—говорилось дальше в тезисах,— «чтобы массы опытом избавились от своих ошибок» и поняли «необходимость перехода всей государственной власти в руки советов рабочих депутатов». Установление «Республики советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» должно быть целью революции, а не пресловутая, идеал соглашателей, парламентская республика (на манер Франции или Америки), которая, по сравнению с республикой советов, является с точки зрения демократизма (народовластия) менее совершенным образом правления, «шагом назад».

Кроме того, тезисы выдвигали конфискацию (отобрание) у помещиков всех их земель, слияние всех

банков в один общенациональный и контроль за производством. В области партийной, касающейся только большевиков, тезисы тоже предлагали ряд мер и между ними изменение названия партии, наименование ее коммунистической партией и создание против международных социал-шовинистов, оборонцев, соглашателей нового Интернационала (Международного общества рабочих), тоже коммунистического.

Вот по этой-то линии большевики и повели свою пропаганду—«терпеливое, настойчивое, систематическое, приспосабливающееся к практическим потребностям масс раз'яснение» всей ошибочности и гибельности блока (соглашения) с буржуазией. Доверчиво-бессознательным еще по отношению к правительству капиталистов солдатским и крестьянским массам большевики не уставали раз'яснять и доказывать на жизненных примерах необходимость для крестьянства заключить тесный, братский блок—союз не с буржуазией, а с рабочим классом, и, наоборот, недостаточно еще сознательным товарищам из рабочих большевики терпеливо раз'ясняли, что только теснейший союз рабочего класса с крестьянством, особенно с беднейшим, против буржуазии и помещиков даст революции необходимую силу достигнуть своего завершения. Вся работа—борьба большевиков от марта до великого Октября—была сплошь этой упорной, настойчивой, терпеливой пропагандой-призывом. С каждой неделей, с каждым месяцем большевики приобретали себе все новых и новых, все больше и больше сторонников. Каждое событие (а тогдашняя жизнь была полна ими до краев), каждое мероприятие буржуазного Временного правительства (а мероприятий этих, по крайней мере на бумаге, было тоже до краев), все постановления соглашательских меньшевистских и эсеровских конферен-

ций, с'ездов, совещаний,—все и каждое из них в отдельности брали большевики под свой сокрушительный задорно-веселый, но вместе с тем и серьезно деловой и беспощадный обстрел на митингах, на собраниях, в газетах, в листовках, брошюрах, на фронте, в окопах и в тылу.

Как люди дела, а не слов, большевики прежде всего бросили в окопы лозунг: братанье! И истомившиеся и настрадавшиеся в окопах солдаты—русские и немцы, русские и австрийцы—поняли и подхватили этот доступный и близкий им призыв, поняли, что призыв этот—прямой и действительный путь к миру, и начали братски протягивать друг другу руки и призывать друг друга кончать войну. Временное правительство, военное начальство, генералы—взбесились. Они подняли против большевиков дикий вой-травлю, обвиняя большевиков в «разложении» армии, в измене и даже в контр-революции. Все буржуазные газеты того времени полны были этой гнусной травли прямотаки погромного характера. Соглашатели этой травле поддакивали, массы—нет! Соглашатели, в лице Исполкома Петроградского совета, вынесли 16 апреля резолюцию-приговор: «Считать пропаганду так называемых ленинцев не менее вредной, чем всякая контр-революционная пропаганда справа», а питерские солдаты и матросы в тот же самый день вышли на улицы Питера внушительной демонстрацией—протестом против травли Ленина и большевиков.

Своей пропагандой действительных прав солдата-гражданина, настойчивым, терпеливым раз'яснением этих прав большевики все больше и больше привлекали на свою сторону симпатии солдат, способствовали осознанию ими этих прав, все больше и больше достигали того, что попытки военного министра Гучкова, московского богатея-промыш-

ленника, сохранить в армии почти прежнюю, времен царя суровую, унизительную для солдат «дисциплину» терпели крах за крахом. Гучковская «дисциплина» прививалась более чем туго и вызывала со стороны солдат решительные протесты и отпор. Большевики вместе с большинством солдатских организаций требовали немедленного смещения с командных постов наиболее ненавистных солдатам царских черносотенных генералов. Гучков и этому противодействовал и, конечно, вызывал этим справедливое и понятное возмущение и негодование солдат и рабочих. В конце концов и в Москве и в Питере состоялись демонстрации рабочих и солдат с категорическим требованием: «Долой Гучкова!» Того же требовали и резолюции многочисленных митингов и собраний. Под напором этих требований Гучков 29 апреля оказался вынужденным подать в отставку. Вслед за его отставкой 2 мая был окончательно вырешен вопрос и об отставке разоблаченного в шулерском двурушничестве с аннексиями министра иностранных дел Милюкова. Образовался «министерский кризис», поставивший вопрос о новом составе Временного правительства.

Буржуазия настаивала, чтобы в новый состав Временного правительства вошли, кроме представителей буржуазных партий, также и социалисты-соглашатели, конечно, в меньшинстве. Буржуазия не без основания надеялась, что таким маневром придаст в глазах масс бо́льшую авторитетность Временному правительству, внушит по отношению к нему большее доверие. Обеспечивая себе в правительстве большинство, буржуазия, конечно, обеспечивала себе и проведение своей политики втирания очков, и ей, конечно, нечего было опасаться особенного противодействия со стороны «социалистов», послушно идущих за ней на поводу.

Настаивали на вхождении «социалистов» во Временное правительство и дорогие «союзнички»— представители союзных России держав. Для них было важно, чтобы к продолжающейся (и не могущей не продолжаться при буржуазном в своем большинстве правительстве) захватнической военной политике был приложен штемпель и «социалистов», как этого давно уже они добились в своей «культурной Европе».

Большевики предостерегали и протестовали против вхождения социалистов-соглашателей в состав правительства. Страстные дебаты по этому вопросу велись и в Москве, и в Питере, и повсеместно. Но соглашатели, конечно, «не вняли» убеждениям большевиков, пошли по стопам своих заграничных собратьев-соглашателей и дали свое согласие на вхождение в правительство и на «работу» там совместно и под дудку с представителями буржуазии. Массы в своем большинстве им, соглашателям, еще верили, поддержали их в советах, и 6 мая новое— коалиционное (смешанное) Временное правительство было образовано. В него вошло 9 представителей буржуазных партий и 6 социалистов-соглашателей. Буржуазную часть правительства представляли: министр-председатель и министр внутренних дел князь Г. Львов, иностранных дел— Терещенко, путей сообщения—Некрасов, народного просвещения — Мануилов, финансов — Шингарев, торговли—Коновалов, государственного призрения—князь Шаховской, обер-прокурор синода— В. Львов и государственный контролер—Годнев. Из социалистов-соглашателей в коалиционное Временное правительство вошли: военным и морским министром Керенский, земледелия — В. Чернов, юстиции—Переверзев, продовольствия —Пешехонов, министром труда—Скобелев, почт и телеграфов— Церетели.

Министерский кризис кончился, но события в дни его показали со всей ясностью, что буржуазия вполне перешла уже к прямому наступлению на революцию: в дни демонстраций с требованием отставки Гучкова и Милюкова буржуазией были уже сорганизованы контр-демонстрации из разных «обывателей», которые 21 апреля с плакатами «Да здравствует Временное правительство», «Да здравствует П. Н. Милюков», «Долой Ленина», «Арестовать Ленина»—тоже толпою ходили по улицам Петрограда. При встрече враждебных демонстраций началась свалка. Со стороны приверженцев Гучкова и Милюкова раздались выстрелы, кончившиеся общей перестрелкой. Несколько человек было убито и ранено. Главнокомандующим Петроградским военным округом генералом Корниловым было послано приказание Михайловскому артиллерийскому училищу о высылке двух батарей на Дворцовую площадь, но приказ этот исполнен не был.

После таких событий большевики с еще большим терпением и настойчивостью повели свою раз'яснительную пропаганду о лживости всех обещаний и сладких речей буржуазной части Временного правительства. Так как было замечено, что в рядах противобольшевистских демонстраций 21 апреля находилось много женщин—домашней прислуги, домашних хозяек и др.,—большевики старались свою раз'яснительную работу углубить и расширить до захвата ею и этих наиболее отсталых, наименее сознательных слоев населения. Укреплению и углублению работы среди женщин много содействовал начавший выходить в свет с 10 мая журнал «Работница»—орган Центрального комитета большевиков. Много внимания работе среди женщин уделяли и общие газеты большевиков, которых в разных городах насчитывалось в то

время уже не менее пятнадцати. 15 мая начала выходить большевистская газета «Окопная правда», предназначенная специально для солдат-фронтовиков.

Сорганизовавшись вновь—коалиционно—с меньшевиками и эсерами, Временное правительство, конечно, продолжало гнуть прежнюю свою линию. Керенский, сделавшись военным министром, захотел быть человеком решительным. Уже 14 мая в своем приказе по армии и флоту он начал призывать солдат «во имя спасения свободной России итти вперед, куда поведут вожди и правительство». В противовес «разложению» армии большевистским братаньем, он начал подготовлять «наступление на врага» и вскоре стал раз'езжать по фронтам, публично лобызаться и обниматься (такой уж был любитель!) с прежними царскими генералами и призывать, призывать, призывать—в наступление!

Болтунишка-Керенский, как уж больно метко окрестил его Владимир Ильич, на сладкие речи был действительно мастер. Поэтому ему и удалось на время заставить многих солдат поверить, что в наступление их—измученных почти трехлетней бойней—погонят тоже... ради скорейшего мира.

И 19 июня их действительно погнали. Не всех, конечно, но многих. Некоторые (не отдельные солдаты, а целые полки и части) отказались и были преданы всем скорпионам режима «революционной демократии». Которых же погнали—из них вернулись немногие.

Так и кончилось это наступление, как и предупреждали заранее большевики, тяжелым поражением и разгромом.

Как ни много приходилось большевикам уделять внимания и сил вопросу о войне, все же они не могли, конечно, ни на минуту забывать и о других,

не менее важных вопросах революции: о земле, о власти, об организации рабочего класса.

Вопрос о земле был также одним из тех вопросов, правильное разрешение которых большевиками беспрерывно и неуклонно способствовало привлечению на их сторону широких масс—в данном случае главным образом крестьянских и солдатских (последних, как тех же крестьян, лишь на время войны оторванных от своих хозяйств)..

Как было уже упомянуто, буржуазия и помещики из Временного правительства по вполне понятным шкурным причинам не торопились с разрешением аграрного вопроса. Не торопились с этим вопросом о земле и социалисты-соглашатели, не только меньшевики, но и эсеры, несмотря на то, что эти последние всегда кичились своей якобы близостью к интересам крестьянства. «Земля и воля!»,—писали они горделиво на своих знаменах.—«Конечно, бесспорно, что земля должна отойти к крестьянству, но с этим большим вопросом придется обождать до Учредительного собрания,—начали заикаться они, когда дошло до дела.

«Сейчас же! Немедленно! Никакого Учредительного собрания не дожидаясь, земля теперь же должна быть отобрана у помещиков, перейти в распоряжение всего народа и немедленно должна быть передана крестьянству без всякого выкупа и, конечно, организованно, при посредстве земельных комитетов и местных советов крестьянских депутатов». Так настойчиво твердили и призывали большевики, ясно понимая неотложность для крестьянства и для революции разрешения этого вопроса.

А крестьянство со своей стороны и впрямь с этим вопросом поторапливалось—и очень убедительно. С 1 марта по 25 июля 1917 г., по официальным сведениям, насчитывалось 1.777 случаев «аг-

рарных конфликтов»—захватов помещичьих земель крестьянами. Временное правительство сначала, как доброе, взывало, потом стало предупреждать, потом зарычало—загрозило, а потом уж, окончательно распоясавшись, стало «подавлять беспощадно» и этим, конечно, само содействовало тому, что «доверчиво-бессознательное» (по определению Ленина) отношение крестьянских масс к Временному правительству сменялось постепенно сперва недоверчивым, потом справедливо-злобным, негодующе-враждебным. Симпатии же их, наоборот, все более и более, прочнее и прочнее начали склоняться в сторону большевиков, ибо крестьянство все яснее и яснее начало понимать и убеждаться, что только они, большевики, передовой отряд рабочего класса, не остановятся лицемерно на полпути перед доведением революции до окончательной победы над помещиками, над буржуазией.

В мае в Петрограде происходил I Всероссийский с'езд советов крестьянских депутатов [1]), на котором 22 мая Владимир Ильич, как всегда исчерпывающе-широко и с присущей ему простотой, развернул в обстоятельном докладе перед депутатами крестьянами только что утвержденную на апрельской конференции программу большевиков по земельному вопросу. На этом с'езде крестьянская масса была еще не на стороне большевиков, была еще под дурманом соглашателей. Хотя, конечно, многим и многим депутатам правдиво-простые слова Владимира Ильича пали-таки на сердце, но, «доверчиво-бессознательные», они еще верили, еще не разочаровались в соглашателях-

---

[1]) В то время советы крестьянских депутатов существовали отдельно от советов рабочих и солдатских депутатов, еще не были с ними слиты.

эсерах, и огромное большинство с'езда пошло еще за этими последними, а стало быть, и на поводу буржуазии и помещиков—своих лютейших и непримиримейших врагов.

Так было в мае. Но с каждым месяцем это доверчиво-бессознательное отношение к соглашателям таяло, сменялось сознательно-презрительным отношением, как к бесстыдным, самодовольным и неисправимым болтунам, в действительности вполне чуждым интересам беднейшего крестьянства. Ко времени II Всероссийского с'езда советов крестьянских депутатов, происходившего в ноябре 1917 г., эсеры-соглашатели (правые) совершенно уже потеряли всякое доверие в крестьянстве, остались на с'езде в меньшинстве и со с'езда ушли. С огромными трудностями приходилось большевикам завоевывать доверие крестьянства, но все же в конце концов им это удалось.

Неизмеримо более легкой для большевиков была работа среди рабочих масс. И немудрено: ведь эта среда, среда рабочего класса, была их родиной, их родной стихией, их отчим домом. Большинство рабочих понимало их с полуслова. Первое, к чему стремились большевики в работе среди рабочих масс,—чтобы рабочие были спаяны в крепкие, мощные организации, в которых единым, дружным напором имели бы возможность отстаивать свои интересы против капиталистов, против буржуазии.

Большевики понимали, что для придания наибольшей мощности таким организациям необходимо, чтобы эти организации были возможно более широкими, охватывали бы большинство рабочего класса. Такими достаточно широкими организациями не могли, конечно, быть политические партии того времени, такими организациями являлись профессиональные союзы. И большевики, не покла-

дая рук, начали работать по организации профсоюзов. Профсоюзы плодились как грибы, росли вширь со сказочной быстротой, получали крепкую спайку, стальную дисциплину, несокрушимую упругость.

При помощи этих профсоюзных организаций большевики проводили борьбу за улучшение экономического положения рабочего классса, между прочим, и за введение сейчас же после победы Февральской революции 8-часового рабочего дня, за увеличение заработной платы, за улучшение условий труда. При посредстве же профсоюзов большевики начали и борьбу за проведение на предприятиях рабочего контроля. Последнее было чрезвычайно необходимо, так как буржуазия, чтобы ослабить рабочих и революцию, начала злостный саботаж, злостное сокращение производства. Многие предприятия закрывались, и кадры безработных все увеличивались и увеличивались. С марта по июль включительно было закрыто более 500 предприятий, и более 100 тыс. рабочих с их семьями остались без заработка.

При проведении всех этих мероприятий широкие рабочие массы воочию убедились, насколько прямолинейны и решительны были тактика и требования большевиков и насколько, наоборот, половинчата и убога—тактика соглашателей. Последние, например, при борьбе за 8-часовой рабочий день не столько содействовали его проведению, как беспокоились, заботились и опасались, как бы таким мероприятием не ушибить больно, не напугать буржуазию. При проведении рабочего контроля соглашатели опять-таки «шли наперерез» большевикам, стараясь подменить его «общественным» контролем с полной горстью буржуев в составе «Комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях».

Все это рабочие, конечно, учитывали. Поэтому нет ничего удивительного, что на происходивших весной и летом 1917 г. областных и всероссийских конференциях профсоюзов и фабрично-заводских комитетов сейчас же выяснилось с полной очевидностью, что большинство организованных в профорганизации рабочих крепко стоит за тактику большевиков и поддерживает их в полной мере.

Таким образом, получилось, что в профсоюзах прочное большинство было всецело на стороне большевиков, в советах же рабочих и солдатских депутатов все еще продолжали преобладать и верховодить соглашатели.

Чем яснее становилось, что большинство рабочих поддерживает большевиков со всей решительностью, тем настойчивее большевики выдвигали свой основной лозунг: «Вся власть советам», и тем чаще и чаще общие собрания заводов и фабрик выносили постановления об отзыве из советов прежде выбранных и посланных туда депутатов, поддерживающих соглашателей, и посылали взамен их в советы вновь избранных большевиков или их поддерживающих.

К середине июня картину политическо-экономической обстановки тогдашней России под водительством коалиционного Временного правительства совсем нельзя было назвать шибко-приглядной. Война не только все еще продолжалась, но Керенский и генералы, целуясь и обнимаясь, усиленно подготовляли наступление и делали нажим за нажимом на солдат для-ради «укрепления дисциплины». Общая разруха не только не уменьшалась, но фабриканты и заводчики злостно закрывали свои предприятия и выбрасывали на улицу массы безработных. На многих предприятиях рабочие вынуждены были прибегать уже к экономическим забастовкам, в борьбе с хозяевами или администрацией, не желавшими итти на не-

обходимое до крайности улучшение их материального положения. Подвоз хлеба к рабочим центрам сокращался, цены на продукты бешено росли, надвигался голод. С земельным вопросом Временное правительство и социалисты-соглашатели топтались на месте (до приезда «барина»—Учредительного собрания) и под видом борьбы с анархией все шире и шире начали уже применять тактику «обуздания» революции: пускали помаленьку в ход «ежовые рукавицы» по отношению к крестьянам, отбиравшим (без «барина»—Учредительного собрания) землю у помещиков, начали уже сажать в тюрьмы большевиков. Контр-революция все наглее и наглее поднимала голову, зашевелились, заработали опять притихшие было разные Родзянки, Шульгины, Пуришкевичи и другие черносотенные депутаты Государственной думы.

Недовольство рабочих и солдатских масс Временным правительством и тактикой социал-соглашателей росло. К июню это недовольство выявилось уже настолько, что большевики для подсчета своих сил и наглядной демонстрации недовольства масс Временным правительством решили призвать рабочие и солдатские массы Питера к устройству 10 июня демонстрации-протеста против войны, против злостно углубляемой фабрикантами разрухи, против министров-капиталистов.

Но происходившим в это время Всероссийским с'ездом советов рабочих и солдатских депутатов демонстрация, об'явленная большевиками, была запрещена, и за ее назначение социал-соглашатели прямо-таки полезли на стену, пытаясь изобразить и об'явить большевиков «заговорщиками», задавшимися целью силой оружия идущих за ними петроградских революционных воинских частей и вооруженных рабочих свергнуть Временное правительство. Вместо предполагавшейся большевист-

ской демонстрации 10 июня с'езд назначил «общую» демонстрацию через неделю, на 18 июня, надеясь подготовить ее в духе лозунгов соглашателей: ведь I с'езд советов был тоже по своему составу на $^6/_7$ соглашательским.

Но действительность жестоко посмеялась над соглашателями: «общие» демонстрации 18 июня вылились в Питере и повсеместно в других городах в почти сплошь большевистские. Колонны за колоннами двигались и двигались рабочие и солдаты почти все с большевистскими знаменами и лозунгами-плакатами: «Долой 10 министров-капиталистов», «Долой царскую Государственную думу», «Долой Государственный совет», «Вся власть Всероссийскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Да здравствует контроль и организация промышленности», «Хлеба и мира». Демонстрации повсеместно были по своему составу чисто пролетарско-солдатскими, «чистая» публика повсеместно попряталась, зато рабочие и солдатские колонны двигались грозно, уверенно, с сознанием своей силы, сурово-решительные, и ни одна рабочая колонна, ни один рабочий отряд не выставил лозунга с призывом к поддержке Временного правительства.

«Восемнадцатое июня так или иначе войдет в историю русской революции как один из дней перелома. Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией»,—писал в № 86 газеты «Правда» Владимир Ильич Ленин.

VIII

Наступление на фронтах—внешнем и главным образом внутреннем—против большевиков, против рабочих, солдат, крестьян

„Плохая им досталась доля,
немногие вернулись с поля“.
(Лермонтов.)

Итак, демонстрации 18 июня показали, насколько к тому времени Временное правительство и социалисты-соглашатели потеряли уже политический кредит у рабочих и солдатских масс. Соглашатели могли воочию убедиться, насколько массы их уже покинули, и что влияние большевиков в массах для них, соглашателей, грозно-преобладающе.

Буржуазия зверела, соглашатели злобились, скрежетали зубами и вместо исправления своих ошибок, своей политической линии согласно требованиям и указаниям масс, «разочаровались» в рабочих и все больше и больше начинали лелеять злобную мысль о том, как бы стереть ненавистных большевиков с лица земли.

В тот же день, 18 июня, Керенским был об'явлен приказ двинуть армию в наступление, и на следующий день в Питере начались «патрио-

тические» манифестации разных мастей, до шедших с трехцветными царскими флагами включительно. Во главе большинства манифестаций двигались «патриоты», несшие, как иконы, большие и малые портреты Керенского. В тот же день с'езд советов огромным большинством против голосов большевиков и с.-д.-интернационалистов одобрил начавшееся наступление армии. В следующие дни «патриотические манифестации» сопровождались даже молебствиями: попы пели молебны о даровании победы, а манифестанты старательно били поклоны.

Одно к одному: в тот же день, когда началось наступление армии на германском фронте, Временное правительство произвело наступление и на «внутреннем фронте». 19 июня, в 4 часа утра, министр юстиции Переверзев в сопровождении наряда войсковых частей явился на питерскую дачу бывшего директора департамента полиции и царского министра Дурново, которая в то время была захвачена рабочими организациями и анархистами и в которой помещалось несколько профессиональных союзов. Прибыл этот грозный отряд для ловли уголовных арестантов, освобожденных накануне анархистами из тюрьмы, но прибывшие произвели полный разгром внутренних помещений дачи и профсоюзов, порвали бывшие там высокой художественной ценности картины, поломали мебель, арестовали всех там находившихся, нескольких подвергли избиениям, одного убили.

Этот беспардонный налет поднял крайнюю тревогу и негодование в рабочих кварталах. Возмущение рабочих было безгранично, дело чуть-что не дошло до об'явления всеобщей забастовки, и большевистским организациям стоило больших усилий удержать, во избежание кровопролития, до крайности негодующих выборгских и других

рабочих, которые, глубоко возмущенные, начали уже было останавливать завод за заводом.

Возмущены были налетом и революционные воинские и матросские части: славные боевые кронштадцы 23 июня отправили в министерство юстиции делегацию своих выборных с требованием освободить арестованных на даче Дурново—иначе весь гарнизон Кронштадта постановил явиться с оружием в руках в Петроград для их освобождения.

21 июня черносотенная питерская «Маленькая газета» выпустила номер с призывом, напечатанным аршинными буквами, арестовать Владимира Ильича Ленина и назначить следствие над «действиями его организации, занесшей нож над спиной нашей армии».

Вопреки своим былым торжественным обещаниям о невыводе революционных воинских частей из Петрограда, Временное правительство, с благословения социал-соглашателей, начало, наоборот, проводить «очистку» столиц от «крамольных» большевистских воинских частей. На фронте начались расформирования, раскассирования «непокорных» полков, из Питера—отправка на фронт наиболее революционных воинских частей и тоже раскассирование оставляемых.

Такая политика «перевертышей», конечно, тоже вызвала сильнейшее волнение среди петроградских революционных полков. Уже 20 июня на митинге 1-го пулеметного полка вынесено решение выйти на улицу для выступления против Временного правительства, были посланы делегаты в другие полки с просьбой о поддержке. Опять большевикам едва удалось удержать пулеметчиков от неорганизованного, разрозненного выступления. Все же этот 1-й пулеметный полк (один из самых революционных полков Петрограда) вынес на сле-

дующий день постановление: «Если будут угрожать нашему и другим революционным полкам раскассированием даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся также перед раскассированием вооруженной силой Временного правительства и организаций, его поддерживающих».

Партия большевиков была против выступления в данный момент. Она считала необходимым выждать результатов наступления на фронте. Большевики не сомневались, что это наступление должно в конце концов завершиться полной неудачей-провалом и, таким образом, открыть окончательно глаза на всю его гибельность, всю авантюрность тем, кто добросовестно еще верил в его необходимость. Вот до этого-то момента большевики и старались удержать от выступлений негодующие против Временного правительства и рвущиеся на улицу солдатские и рабочие массы, чтобы при выступлении к ним могли присоединиться и те, кто до тех пор заблуждался еще по вопросу о наступлении. Пока шло наступление на фронте, большевики предпочитали копить силы и старались сдерживать массы от преждевременных выступлений. Но сдерживать было трудно: уж очень велико было недовольство действиями Временного правительства.

Наоборот, буржуазии хотелось, чтобы большевистски-настроенные воинские части и рабочие выступили преждевременно. Тогда, во-первых, неудачу наступления на фронте можно было бы свалить на тех же большевиков: мешали, мол, провести наступление, как следует, будоражили солдат, а во-вторых, выступление дало бы буржуазии лишний повод обрушиться на большевиков, как на изменников «общему делу».

Злобно-крепкую думку думало в те дни Временное правительство и о разоружении рабочих. Вдохновителем этой «идеи» являлся министр, меньшевик-соглашатель Церетели. Но осуществить это, попытаться отобрать у питерских рабочих оружие, добытое ими в огне Февральской революции, в те дни, дни июня, Временное правительство все же не решилось.

В связи с тем же наступлением армии Керенским был дан приказ о возвращении в свои части уволенных в отпуск из армии на полевые работы. Приказ этот тоже породил справедливые волнения, уже среди крестьянства и возвращаемых «сорокалетних». В Питере, Москве и других городах они устраивали многотысячные шествия с плакатами: «Просили засеять хлеба побольше, так дайте же его убрать».

Недовольство всюду росло и ширилось.

* * *

И вот в такой-то напряженной обстановке 2 июля снова разразился «министерский кризис». Министры-кадеты [1]) не захотели подчиниться большинству членов Временного правительства по вопросу об особом управлении Украиной и подали в отставку. Конечно, такая «забастовка» трех министров-кадетов не могла не вызвать самого сильнейшего возбуждения в рабочих и солдатских массах. На следующий же день начались волнения, начали останавливаться заводы. Недовольные Временным правительством воинские части начали готовиться к выступлению с требованием передачи власти советам, хотя плана такого выступления

---

[1]) Кадетами звали и зовут членов партии к.-д. (конституционно-демократическая), она же партия народной свободы, как именуют свою партию эти самые кадеты. На самом деле это буржуазная, противонародная партия.

ни у кого не было, ибо ни одна партия к выступлению не призывала.

Рабочие вооружались, воинские части грузили пулеметы на грузовики и к вечеру катили уже на Невский. Но плана выступления не было, и вооруженные, ощетинившиеся штыками грузовики раз'езжали неорганизованно. В толпах рабочих и солдат шли возбужденные обсуждения событий. Все друг друга спрашивали: кто призывал к выступлению, и никто на этот вопрос определенно ответить не мог, ибо выступление произошло чисто стихийно, без призывов организаций.

Толпы рабочих и отряды воинских частей скапливались у Таврического дворца, где шло заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета. Туда же потянулись тысячи отпусников-сорокалетников. Ночью на 4 июля туда же, на площадь перед Таврическим дворцом, влилась сорокатысячная масса рабочих Путиловского завода, пришедших организованно, всем заводом, и заявивших, что они не разойдутся, пока ВЦИК не разрешит вопроса о власти, и требовавших: «Вся власть советам».

У большевиков в Петрограде в это время происходила общегородская конференция, начавшаяся еще 1 июля. В 3 часа дня на эту конференцию явились делегаты 1-го пулеметного полка с заявлением, что полк постановил выступить. Представитель конференции ответил, что партия большевиков находит выступление в данный момент несвоевременным, решила к выступлению в данное время не призывать и поэтому возглавить выступление товарищей пулеметчиков отказывается. Часов в 7-8 вечера к особняку Кшесинской, который в те времена занимали большевики, подошли вооруженные полки со знаменами с требованием возглавить их выступление. Сюда же

двинулись и демонстрации рабочих. Выступившие было от партии большевиков два оратора с призывом прекратить выступление и разойтись по домам и казармам были прерваны протестующими криками: «Долой!»

Тогда большевики, видя, что движение все равно не удержишь, обсудив вопрос, решили вмешаться и придать выступлению возможно большую организованность: как массовая партия пролетариата, партия большевиков, конечно, не могла оставить массы, если уже они выступили, без своей поддержки и руководства, не могла остаться нейтральной: в противном случае это неорганизованное стихийное движение вооруженных масс грозило массовым кровопролитием. Решение большевиков присоединиться к выступлению и организованно им овладеть восторженно было встречено собравшимися у особняка Кшесинской массами.

Кровопролития все же избежать не удалось: контр-революция тоже, ведь, не дремала. Отдельными провокаторскими выстрелами еще вечером, 3 июля, она то там, то здесь вызывала перестрелки. Были убитые и раненые.

На 4 июля большевиками была об'явлена мирная демонстрация. Было предложено выбрать по заводам и воинским частям делегации для посылки их в ВЦИК с требованием взять власть в свои руки.

Но те, кому рабочие и солдатские массы, вышедшие на демонстрацию, предлагали взять власть,— соглашательское большинство членов ВЦИК, вовсе не собирались ее брать, вовсе не желали считаться с голосом революционных масс. Они, наоборот, предпочли об'явить эти самые массы, предлагающие им власть, вооруженными бунтовщиками, начавшими восстание, и вытребовали с фронта и из окрестностей Питера для усмирения

«бунтовщиков» части войск—из тех, что не успели еще извериться во Временном правительстве и министрах-капиталистах, и которые не были еще затронуты «большевистской заразой» (юнкеров, кавалерийские части, казаков). Командование этими «отборными войсками» было вручено контр-революционному генералу Половцеву.

4 июля, днем, когда грандиознейшая и величественная демонстрация со знаменами и оркестрами музыки проходила по Невскому и Литейному проспектам, по демонстрантам из окон домов и чердаков внезапно была начата стрельба и выскочивший из-за угла поперечной улицы грузовик открыл пулеметный огонь. Среди толпившейся по тротуарам публики и среди демонстрантов, из которых многие вышли на демонстрацию всем семейством—с женами и детьми, поднялась паника. Демонстранты, особенно боевые кронштадтские матросы, в свою очередь изрешетили пулями окна и чердаки, откуда по ним началась стрельба. Но ведь демонстранты не собирались поднимать восстание. Поэтому, когда стрельба прекратилась, демонстрация, уже поредевшая, двинулась опять мирно дальше к Таврическому дворцу. На других улицах тоже и таким же порядком возникали перестрелки. Много оказалось убитых и раненых.

С утра, 5 июля, большевики на страницах «Правды» призвали массы к прекращению забастовки и демонстраций, и в это же утро генерал Половцев приступил к возложенному на него усмирению, начав таковое с редакции «Правды», которая была буквально разгромлена. В течение всего этого дня «усмирителями» задерживались и доставлялись в штаб округа матросы, солдаты и рабочие, которые отправлялись оттуда в тюрьмы.

В этот же день буржуазия пустила в ход свое «последнее средство», гнуснейшее из гнуснейших,

но которое все же произвело нужное буржуазии ошеломляющее впечатление на обывательскую массу и, к сожалению, на недостаточно еще сознательных солдат и рабочих. Буржуазия и штабной генералитет воспользовались мерзкими руками негодяя Алексинского, чтобы напечатать сначала 5 июля в газете «Живое слово», а потом и отдельными изданиями («Без лишних слов» и т. п.) гнуснейшие «материалы» о причастности, якобы, Владимира Ильича Ленина к германскому шпионажу и о том, что вся большевистская агитация ведется на «германские деньги».

Несмотря на всю нелепость возводимого обвинения, несмотря на то, что само же Временное правительство предложило министру юстиции Переверзеву, давшему согласие на опубликование этих «материалов», выйти в отставку, все же «материалы» эти фигурировали одним из пунктов официального обвинения, пред'явленного Владимиру Ильичу «республиканским» прокурором «социалистического министра Церетели»—по выражению Владимира Ильича.

6 июля был подписан ордер на арест Ленина, Зиновьева и Каменева. Последний был арестован, Владимиру же Ильичу и Зиновьеву пришлось скрыться, что ими и было успешно выполнено,—сначала в Петрограде в квартире тов. Аллилуева, потом в «таинственном шалаше» тов. Емельянова в окрестностях Петрограда, на берегу озера, затем в Финляндии—вплоть до самой Октябрьской революции. Этот переход Владимира Ильича на нелегальное положение был одобрен всей партией большевиков: иначе Владимиру Ильичу неминуемо грозила бы зверская расправа со стороны озверевшей контр-революции. С ним, несомненно, постарались бы «расправиться» еще до суда под тем или

иным предлогом: контр-революция была готова на всякое преступление.

Июльское выступление и мерзкая клевета на Владимира Ильича отпугнули-таки в первое время от большевиков довольно многих. Ряды большевистской партии непосредственно сейчас же после «июльских дней», несомненно, временно, значительно поредели, от партии отошла вся колеблющаяся, нерешительная ее часть, особенно из нерабочей среды. Зато из рабочих низов тогда же начали вступать в партию наиболее решительные и революционно-стойкие и надежные товарищи. Тогда же в партию большевиков влилась полностью организация так называемых «межрайонцев» с тов. Троцким во главе.

После «июльских дней» Временное правительство, что называется, «закусило удила» и понеслось, подталкиваемое контр-революционными генералами и кадетскими «патриотами», по пути самой безудержной реакции—прежних царских методов: «тащить», «не пущать», «пресекать», «подавлять».

Министр-председатель князь Львов тоже подал в отставку, и этот «высокий пост» занял Керенский. Он вел торг с кадетами о вхождении их во Временное правительство, кадеты волынили.

К этому времени наступление армии завершилось уже прорывом германцами нашего фронта, и началось отступление. Генералы бесились, требовали возобновления военно-полевых судов и смертной казни, генерал Корнилов грозил в противном случае самовольным сложением с себя звания главнокомандующего. Изданы были приказы о стрельбе по отступающим на фронте солдатам, о воспрещении митингов и собраний на фронте с предложением «рассеивать таковые оружием», а получивший в свое ведение министерство внутренних дел меньшевик-соглашатель Церетели принялся издавать

распоряжения о воспрещении «уличных сборищ» и о подавлении вооруженной силой «мятежных выступлений», о «принятии скорых и решительных мер» к прекращению «захватов запашек и засевов чужих полей» (т. е. полей помещиков).

12 июля Временным правительством смертная казнь была восстановлена—сперва только на фронте, а потом и во флоте, через несколько дней генерал Корнилов был назначен верховным главнокомандующим, а помощником военного министра—«знаменитый» эсер Савинков. Большевистские газеты приказами Керенского закрывались.

Большевики арестовывались направо и налево. Были арестованы Троцкий, Луначарский, Крыленко, Коллонтай, Раскольников. На улицах большевики травились черносотенцами, некоторые подверглись избиению, за продажу «Листка правды» был убит рабочий тов. Воинов.

Громились помещения профессиональных союзов, у рабочих производились обыски в поисках оружия, но рабочие хорошо научились подальше его прятать.

Среди членов Временного правительства происходила форменная чехарда: все они—и Керенский, и Чернов, и Церетели, и другие—по череду и пачками подавали в отставку, брали эти свои отставки обратно и т. д. 24 июля был, наконец, утвержден новый состав Временного правительства. В него вошли: министром-председателем, военным и морским министром—Керенский, заместителем министра-председателя и министром финансов—Некрасов, министром внутренних дел—Авксентьев, юстиции—Зарудный, иностранных дел—Терещенко, народного просвещения—Ольденбург, торговли и промышленности—Прокопович, почт и телеграфа—Никитин, труда—Скобелев, продовольствия—Пешехонов, государственного призрения—Ефре-

мов, путей сообщения—Юренев, земледелия—Чернов и обер-прокурором синода—Карташов.

Новое Временное правительство принялось подготовлять назначенное на 12 августа государственное совещание для сплочения всех «живых сил» страны. Под этими «живыми силами» Временное правительство и соглашатели из советов подразумевали «всех, всех, всех»: организации торговцев-промышленников, биржевых комитетов, представителей городских дум, генералитета, представителей казачества, тогдашних кооператоров, духовенства, представителей всех четырех давным давно скончавшихся Государственных дум,—вплоть до Пуришкевича, вплоть до негодяя Алексинского,—ну, конечно, на ряду с ними и представителей советов.

Вся и всяческая контр-революция усиленно агитировала за это совещание, видя в нем основательно-широкий и решительный шаг к умалению значения ненавистных им «советов собачьих и прочих депутатов», по их буржуйской «культурной» терминологии, а социал-соглашатели, бывшие к этому времени уже форменно, всецело и вплотную в плену у буржуазии, всепокорненько шли за ними на поводу. К этому государственному совещанию буржуазия приурочивала слет, об'единение всех контр-революционных сил во главе с верховным главнокомандующим генералом Корниловым. Совещание решено было созвать в Москве, а не в Петрограде, ибо буржуазия надеялась, что московский пролетариат окажется для нее поприятнее питерского и без питерских помех позволит ей, зубастому волку, беспрепятственно организовывать контр-революцию.

«Ошиблись, голубчики!»,—ответил им 12 августа московский пролетариат и скрестил на груди руки: и заводы, и фабрики, и водопровод, и трамваи—все остановилось. Так встретили и поприветство-

вали московские рабочие «живые силы» Керенского и прочих соглашателей. Эта на диво дружная забастовка-протест была проведена московскими большевиками и Московским советом профессиональных союзов вопреки постановлению против нее соглашательского большинства Московского совета. Но в Москве большинство это было уже к тому времени совсем незначительным. К тому времени московские фабрики и заводы успели уже переизбрать изрядное количество посланных еще в марте депутатов и заменить их другими, идущими вместе с большевиками.

Но хотя соглашатели и боролись против забастовки московского пролетариата, но сговор контрреволюции на Московском совещании был настолько очевиден, подготовка контр-революционного переворота велась корниловцами настолько открыто, что соглашатели не на шутку струхнули и отменили даже на три дня свое запрещение свободного официального доступа большевистских агитаторов в воинские казармы. В эти дни в Москве заработал даже негласно Революционный комитет в лице так называемой «Комиссии шести». По казармам широко полилась агитация против подготовляемого контр-революционного переворота, против работы корниловцев, которые, стараясь завоевать москвичей, раз'езжали в те дни на автомобилях и разбрасывали с них тучи листовок с портретом и биографией без пяти минут военного диктатора всея России генерала Корнилова, который одновременно с своим от'ездом в Москву двинул с фронта на Москву казачьи части.

Но казаки не доехали, москвичи-рабочие оказались орехом крепким, и корниловцы на переворот в тот момент не рискнули.

Никакого об'единения «живых сил» на Московском совещании, конечно, не произошло, если не

считать театрально-демонстративного, бесстыдного, вызвавшего звериный восторг всей «честной компании» совещания, обмена рукопожатиями между представителем «революционной демократии» меньшевиком-соглашателем Церетели и торгово-промышленным тузом Бубликовым.

Но контр-революция на Московском совещании, несомненно, успела между собой сговориться, сорганизоваться, сторговаться, и меньше чем через две недели сделала попытку привести свои замыслы о перевороте в исполнение.

Для устрашения соглашателей Корнилов предварительно сдал немцам город Ригу и этим открыл им путь на Петроград. Конечно, в этой сдаче, которая была всецело делом его рук, он обвинил исключительно солдат, которые, мол, бежали как трусы. Буржуазные газеты подняли бешеную травлю против солдат, понося их изменниками, предателями, подлыми трусами, обливая их помоями грязной лжи и клеветы, хотя на самом деле солдаты под Ригой бились как герои. Вместо них буржуазные газеты возвели в герои офицерство, прославляя его доблесть и прочие качества. Как всегдашний буржуйский подголосок, Керенский выпустил даже специальный приказ по армии и флоту о геройстве русского офицера. Конечно, травлей этой солдаты были возмущены до глубины души, и в них кипело негодование против буржуазии. Тогда же правительством снова было решено отправить на фронт все революционные питерские полки, а на их место прислать «надежные» конные части. Было решено также упразднить кронштадтскую крепость и превратить революционно-передовой Кронштадт в базу снабжения, в место разных складов амуниции и т. п. вещей. Все это подливало, конечно, масло в огонь-пламя солдатского негодования. К тому же по казармам

и заводам начали шнырять какие-то темные личности в солдатской форме, агенты-провокаторы корниловской контр-революции, и призывать рабочих и солдат к вооруженному выступлению 27 августа—в день полугодовщины Февральской революции. В городе распространялись усиленно слухи о предстоящей 27 августа уличной резне. Рабочие организации и особенно большевики разоблачали все эти науськиванья и подстрекательства контрреволюции и призывали рабочих и солдат не поддаваться провокации, сохранять выдержку и спокойствие и воздержаться от каких бы то ни было выступлений без призыва партии и совета.

Керенский готовился об'явить Петроград на военном положении и сделал распоряжение Корнилову двинуть в Петроград войска для охраны столицы и для «усмирения» ожидавшегося им «восстания большевиков», хотя на самом деле большевики не только не призывали к восстанию, но всеми силами старались предотвратить провоцируемые контр-революцией выступления, что им на этот раз и удалось вполне.

И вот на почве этих выступлений и сшитых уж больно белыми нитками слухов о предстоящей «уличной резне» у Керенского с Корниловым получилось то, что называется «вор у вора дубинку украл». Вызывая войска, Керенский метил Корниловым в большевиков, Корнилов же взял на прицел и большевиков, и советы, и самого Керенского. «Усмирения большевиков» Корнилову было маловато, он целился на гораздо большее и двинул на Петроград конный корпус со своей знаменитой «дикой дивизией» не только для «усмирения восстания большевиков», но и для разгона советов и для ареста Временного правительства, решив самолично сорганизовать новое правительство по своему генеральскому вкусу.

При сформировании этого нового правительства Корнилов великодушно предполагал оставить в нем Керенского в качестве министра юстиции, а Савинкову дать портфель министра военного—так, по крайней мере, было посулено Керенскому посланцем Корнилова Львовым, а как было бы на самом деле, если бы план Корнилова удался, известно было, конечно, только Корнилову.

Керенскому, получившему от Львова такой корниловский ультиматум и увидевшему себя столь одураченным, в конце концов ничего больше не осталось, как закричать «караул», взывая к забытой было им в последнее время «революционной демократии» и даже... к большевикам, чтобы последние «повлияли на революционные части Петрограда встать на защиту революции».

Львов был арестован, Временный военный комитет при ВЦИК и большевики при поддержке всех революционных организаций принялись действовать. В столицах и провинции при исполкомах были созданы повсеместно комитеты народной борьбы с контр-революцией; рабочие вооружились, формировались в отряды, отправлялись рыть окопы. Железнодорожные пути, по которым двигался на Питер корниловский конный корпус под начальством генерала Крымова, были в нескольких местах разобраны, и навстречу войскам корпуса были отправлены солдатские революционные делегации, а для «дикой» кавказской дивизии—специальная мусульманская делегация; им же навстречу взлетели аэропланы с литературой-листками на русском и ингушском языках, которые аэропланы разбрасывали в местах следования наступающих конных ингушских отрядов.

Узнав, что в Питере никакого «большевистского восстания» нет, что в нем полное спокойствие, солдаты из корниловских отрядов поняли, что ге-

нералы их обманули, и сами же арестовали Крымова и отправили его в Петроград, после чего верные Временному правительству отряды направлялись в указанные им пункты.

В Питере, Москве и провинции были произведены аресты черносотенных корниловцев-офицеров, был закрыт контр-революционный Всероссийский офицерский союз.

В конце концов мятеж Корнилова был подавлен бескровно, так как революционные солдаты не пошли за черносотенными генералами; часть генералов, примкнувших к Корнилову, была переарестована, часть подчинилась Временному правительству.

Мятеж был подавлен, но дело революции после этого подвинулось мало: вместо Корнилова верховным главнокомандующим сделался Керенский, начальником же его штаба был назначен генерал Алексеев—такой же, как Корнилов, контр революционер и черносотенец. Кадетам, удравшим из Временного правительства при первых же вестях об ультиматуме Корнилова и все время открыто его поддерживавшим и дававшим Керенскому «благие» советы итти с Корниловым на соглашение, Керенский, сам полукадет, продолжал «строить глазки». Соглашательская правительственная шарманка загнусавила по-старому—теперь в пять голосов, по системе «директории», в которую были зачислены: Керенский—председателем и верховным главнокомандующим, Терещенко—министром иностранных дел, Верховский—военными министром, Вердеревский—морским министром и меньшевик-соглашатель, москвич Никитин—министром почт и телеграфов, а вскоре и министром внутренних дел.

Об этой директории—правительстве пяти и тогдашнем общем положении дел большевистская

газета «Рабочий путь» в номере от 3 сентября выражалась так: «На словах—разрыв с кадетами, на деле—соглашение со ставленниками кадетов в тылу и на фронте. Директория, как ширма, прикрывающая союз с кадетами, диктатура Керенского, как маска, заслоняющая от народного возмущения диктатуру помещиков и капиталистов,—вот какова теперь картина».

И это было совершенной правдой. Керенский все больше и больше старался «зажать», все больше и больше отходил, передавался на сторону буржуазии и того самого генералитета, который, хотя и «подчинился» Временному правительству, но все же всеми своими помыслами остался, за редкими исключениями, на стороне Корнилова.

1 сентября (больно уж запоздало) Временным правительством государство российское было провозглашено Российской республикой, но это «провозглашение» мало уже кого удовлетворило: все понимали, что в данный момент дело не в названии. Рабочие, солдатские и крестьянские массы все ясней и ясней стали понимать, это эту керенскую канитель-волынку надо бросать, иначе всем может быть карачун. Голод надвигался все грознее и грознее, промышленность разрушалась все быстрее и быстрее, выбрасывая на улицу тысячи безработных, и уже не удовлетворяла потребностей населения, железнодорожное сообщение находилось в полном расстройстве, финансовый крах приближался, контр-революция все выше и выше поднимала свою змеиную голову.

После корниловского мятежа «режим» по отношению к большевикам пришлось все же несколько ослабить, ибо на деле Корнилова «революционная демократия» слишком наглядно убедилась, что без большевиков им бы с Корниловым, пожалуй, и не управиться. По всем фабрикам и заводам выно-

сились постановления с требованием освобождения арестованных в связи с выступлением 3—5 июля Рабочие, солдаты и крестьяне все дружнее и дружней начали опять переходить массами на сторону большевиков, отказывая в доверии соглашателям, в которых изверились, к которым относились с вполне ими заслуженным презрением, под «режимом» которых истомились.

Фабрики и заводы усилили переизбрания своих депутатов в советы, так что в Петроградском совете 31 августа, а в Московском 5 сентября прошли уже первые большевистские резолюции: советы были большевиками завоеваны как в столицах, так и в провинции. Соглашательские исполкомы принуждены были сложить свои полномочия, советы и исполкомы были переизбраны, и большевики в них везде получили большинство. 19 сентября председателем Московского совета был избран тов. В. П. Ногин, председателем же Петроградского совета—25 сентября—тов. Троцкий, всего лишь недели за три до этого выпущенный под денежный залог из тюрьмы.

Правительство плело канитель то с демократическим совещанием (14 сентября), то с Временным советом Российской республики—предпарламентом то ж (7 октября), силясь заменить ими ускользнувшие из рук соглашателей советы рабочих и солдатских депутатов, большевики же, наоборот, разоблачали эти совещания и предпарламенты, как вовсе не демократические, настаивали и вели усиленную агитацию за созыв нового, II Всероссийского с'езда советов, большинство на котором теперь было им, конечно, обеспечено.

Под давлением целого ряда советов и других рабочих и солдатских организаций ВЦИК первого созыва вынужден-таки был назначить этот II Всероссийский с'езд советов (на 20 октября), но сейчас

же после этого вынужденного назначения стал всеми силами бороться против его осуществления: соглашатели слишком хорошо понимали, что после этого нового с'езда им придется из Всероссийского центрального исполнительного комитета забирать свои шапки в охапку. Большевики напрягали все силы, чтобы об'явленный с'езд не был сорван. «Будьте настороже, товарищи. Не надейтесь ни на кого, кроме как на самих себя. Не теряйте ни одного часа, готовьтесь к с'езду советов, созывайте областные с'езды, добейтесь того, чтобы на с'езд были посланы противники соглашательства, не уступайте ни пяди из завоеванных советами позиций на местах... Беспощадное разоблачение комедиантского, контр-революционного булыгинского предпарламента. Борьба за с'езд советов. Вся власть советам. Таков наш лозунг». Так писал в своем воззвании 30 сентября Центральный комитет большевиков.

25 сентября правительство пяти было опять преобразовано. В этот последний состав Временного правительства входили: Керенский — министром-председателем, Никитин—внутренних дел, Коновалов—торговли и промышленности и заместителем председателя, Терещенко—иностранных дел, Карташов — исповеданий, Кишкин — государственного призрения, Малянтович—юстиции, Смирнов—государственным контролером, Бернацкий—финансов, Ливеровский—путей сообщения, Прокопович—продовольствия, Салазкин—народного просвещения, Гвоздев—министром труда, Верховский—военным, Вердеревский—морским, Третьяков—как председатель Экономического совета.

Но составы коалиционных правительств мало уж кого интересовали. «Вся власть советам»—все тверже, все настойчивей, все уверенней требовали фабрики, заводы, крестьяне, воинские части, и к сере-

дине октября большевики начали определенно держать курс на восстание, так как переход власти к советам мирным путем был в то время уже невозможен,—так настаивало огромное большинство товарищей-большевиков, так настаивал Владимир Ильич, не устававший все время из мест своего тайного пребывания руководить большевиками.

★

IX

Великий Октябрь

„Смело мы в бой пойдем
За власть советов...“

16 октября в Петрограде был образован Военно-революционный комитет, который и начал действовать со всей решительностью: приступил к вооружению рабочих, назначил во все воинские части Петрограда своих комиссаров и об'явил, что приказы и распоряжения военного начальства впредь подлежат исполнению только лишь при подтверждении их комиссарами, только лишь после дачи комиссарами своей под ними подписи. Такое постановление Военно-революционного комитета было принято и одобрено собранием всех полковых комитетов петроградского гарнизона. Это вызвало со стороны Керенского приказ об аресте Военно-революционного комитета и заявление его о том, что «партии, пытающиеся поднять «чернь» против существующего порядка, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации». Столь страшное заявление было сделано Керенским вечером 24-го, а с раннего утра 25 октября большевики начали уже «окончательную ликвидацию» самого Керенского, его присных и всероссийской керенщины: с 2 час. утра войсками Военно-революю-

ционного комитета были уже заняты главный телеграф, разводные мосты на р. Неве, а к 7 час. утра — главная телефонная станция и некоторые другие учреждения, так что фактически с утра 25-го Временное правительство уже было низложено, о чем и было оповещено во все концы Военно-революционным комитетом. Керенский успел удрать в

Атака Зимнего дворца со стороны Дворцовой площади.

Гатчину с целью двинуть оттуда на Питер войска, большинство же остальных министров — членов Временного правительства засело в Зимнем дворце под охраной юнкеров, казаков, ударников георгиевского и женского батальонов.

Первым делом Военно-революционный комитет позаботился о томившихся еще по тюрьмам товарищах, арестованных в связи с событиями 3—5 июля: все они, по приказу Военно-революционного коми-

тета, были тотчас же из тюрем выпущены. Около 3 час. дня открылось торжественное заседание Петроградского совета, где тов. Троцкий, под оглушительный грохот аплодисментов, об'явил: «От имени Военно-революционного комитета об'являю, что Временного правительства больше не существует». Бурными овациями было встречено появление на трибуне Владимира Ильича Ленина— первое публичное его появление после июльских дней. «Товарищи, рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».—Так говорил Владимир Ильич под несмолкаемый гром аплодисментов-оваций депутатов Петросовета.

В это время Зимний дворец, где засели министры, был уже окружен со всех сторон цепью войск Военно-революционного комитета под командой тов. Подвойского, а на волнах Невы грозно высился революционный крейсер «Аврора». В 6 час. вечера во дворец был послан ультиматум о сдаче. Так как согласия на сдачу не последовало, то «Аврора» дала предупредительный орудийный выстрел—холостой. Защищавшие дворец войска поняли безнадежность своего положения и начали—одна часть за другой— уходить. Первыми, помитинговав, ушли казаки, ушли георгиевцы и, наконец, сдался женский батальон. Оставшиеся юнкера открыли пулеметную стрельбу, но их сейчас же заставили замолчать орудия Петропавловской крепости. К 12 час. ночи Зимний дворец был взят, и Временное правительство арестовано.

В этот день, 25 октября, как раз состоялось открытие II Всероссийского с'езда советов, созыв которого, несмотря на отчаянное сопротивление

соглашателей, все же был осуществлен. 26 октября, по докладу Владимира Ильича, были приняты единогласно (меньшевики и другие соглашатели со с'езда ушли) декрет о войне и мире и долгожданный декрет о земле. В тот же день была отменена введенная Керенским для фронта смертная казнь, и был образован Совет народных ко-

Броневой отряд Петроградского Военно-революционного комитета.

миссаров. В этот первый состав Совнаркома входили: председателем—Владимир Ильич Ульянов (Ленин), народным комиссаром по внутренним делам—А. И. Рыков, земледелия—В. П. Милютин, труда—А. В. Шляпников, по делам торговли и промышленности—В. П. Ногин, народного просвещения—А. В. Луначарский, финансов—И. И. Скворцов-Степанов, иностранных дел—Л. Д. Троцкий,

юстиции—Г. И. Ломов, продовольствия—И. А. Теодорович, почт и телеграфов—Н. П. Авилов-Глебов, по делам национальностей—И. В. Сталин-Джугашвили, по делам военным и морским—комитет в составе В. А. Антонова-Овсеенко, Н. В. Крыленко и Дыбенко.

В тот же день было проведено и переизбрание Всероссийского центрального исполнительного комитета, и старый соглашательский ВЦИК кончил свое бесславное существование. В новый ВЦИК из 100 человек его состава было избрано 70 большевиков. Председателем был избран первоначально тов. Каменев, который, впрочем, вскоре, после проявленных им колебаний в вопросе об образовании и составе нового правительства, был переизбран и заменен тов. Я. М. Свердловым.

Между тем, удравший в Гатчину Керенский давал оттуда приказ за приказом всем частям Петроградского военного округа, «по неразумению и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции», приглашая их «вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга». Но, увы, свой долг товарищи солдаты понимали не по-керенски. Соглашателями из заправил городской думы и других «демократов» был образован Комитет спасения родины и революции, который и начал действовать в подмогу Керенскому, а этот последний двинул войска на Петроград, на изменников-большевиков! Но двинутые ими под начальством генерала Краснова войска частью на нескольких участках были разбиты войсками Военно-революционного комитета, частью же перешли на сторону большевиков, так что к 1 ноября весь «поход» Керенского был ликвидирован, Керенскому пришлось удирать дальше, генерал же Краснов был захвачен и арестован. Генерал этот, выпущенный через день на свободу под честное

слово, сейчас же показал честность своего дворянского слова: сейчас же удрал к своим друзьям и братьям по контр-революции и вскоре стал во главе одной из частей двинутой на нас белой армии. 2 ноября питерцы устроили торжественную встречу войскам, вернувшимся после победы из Гатчины и из Царского Села. Взаимным приветствиям и ликованию не было границ: царство буржуев было сломлено навсегда, и пролетариат вместе с крестьянством получил возможность строить жизнь по-своему.

Первым делом надо было кончать с войной 9 ноября тов. Троцкий, в качестве наркома иностранных дел, обратился к иностранным державам с предложением начать совместно переговоры об об'явлении перемирия и заключении мира с Германией, а так как «союзники» от этого отказались, то назначенным к этому времени верховным главнокомандующим тов. Крыленко 13 ноября были посланы парламентеры на передовую линию фронта с предложением немцам начать переговоры о перемирии на всех фронтах. Переговоры были начаты и явились началом конца столь постылой всем империалистской войны, всех измучившей, обессилившей, всем досадившей.

10 ноября был открыт II Всероссийский с'езд крестьянских депутатов, который продлился до 15 ноября и на котором после речи Владимира Ильича было постановлено слить Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих и солдатских депутатов с Центральным исполкомом советов крестьянских депутатов. 15 ноября состоялось торжественное совместное их заседание, и единый ВЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов подтвердил изданные Совнаркомом декреты о мире, о земле, о рабочем контроле.

X

Октябрь в Москве

Если февральско-мартовская победа была достигнута в Москве почти бескровно, то дни великого Октября, наоборот, прошли в Москве в упорных героических уличных боях.

25 октября утром в Москве были получены вести из Питера о низложении Временного правительства. Московский комитет большевиков, обсудив сейчас же положение, решил немедленно организовать как партийный боевой центр, так и Военно-революционный комитет из состава Московского совета. Партийный центр был образован в составе следующих товарищей: М. Владимирского (Камского), О. Пятницкого, В. Соловьева, И. Стукова и В. Яковлевой. Кандидатами к ним были избраны Подбельский, Сапронов и Кизельштейн. На собранном в этот же день соединенном пленуме Московского совета рабочих и солдатских депутатов сейчас же открылся ожесточенный словесный бой с меньшевиками и эсерами, которые из кожи лезли, желая образовать «демократический» орган из «демократических слоев»—думских, кооператоров и других,—лишь бы побольше можно было напихать туда соглашателей. Но большинство Моссовета было в то время давно уже большевистское,

и сколько соглашатели ни взывали, сколько ни стращали, ни заклинали, Военно-революционный комитет все же был образован из советского состава. Эсеры от участия в Военно-революционном комитете отказались вовсе и оставили за собой «свободу действий», меньшевики же хотя и вошли, но, как они заявили, со специальной целью разоблачать, разоблачать и разоблачать «безумные шаги» большевиков. Впрочем, удостоверившись через день, что этот разоблачительный номер проходит у них совсем слабо, они из Военно-революционного комитета благополучно вышли. От большевиков же в Военно-революционный комитет были избраны: В. М. Смирнов, Муралов, Усиевич и Ломов и кандидатами—Аросов, Москалев, Рыков и Будзинский.

Эсеровская «свобода действий» не замедлила выразиться в том, что на другой же день, 26 октября, в противовес Военно-революционному комитету эсеровской Московской городской думой был образован свой «орган власти»—Комитет общественной безопасности, во главе с городским головой эсером Рудневым, действовавшим совместно с тогдашним командующим войсками Московского военного округа полковником Рябцевым.

Сейчас же по своем сформировании Военно-революционный комитет начал действовать. Во все районные советы Москвы даны были указания о необходимости немедленного избрания и образования своих районных военно-революционных комитетов и о приведении районов в боевую готовность. 26 октября районные военно-революционные комитеты были образованы. Во все воинские части были даны распоряжения о невыполнении приказов военного начальства без утверждения их Военно-революционным комитетом. Поместился Военно-революционный комитет в здании Моссовета.

Состав совета солдатских депутатов в Москве был в то время в своем большинстве все еще соглашательским. Это был еще старый, непереизбранный состав, совсем уже не отражавший действительного настроения и состояния солдатских масс. Поэтому Военно-революционным комитетом была созвана специальная гарнизонная конференция представителей всех воинских частей, которая, вопреки призывам эсерствующего совета солдатских депутатов, подавляющим большинством голосов постановила выразить полное доверие Военно-революционному комитету и отдать все московские воинские части в его полное распоряжение.

Вечером 27-го затрещали первые выстрелы. Отряд стойких героев-двинцев, идя к зданию Моссовета в его распоряжение, был окружен на Красной площади рябцевско-рудневскими юнкерами, которые открыли по двинцам ружейный и пулеметный огонь. Жарко пришлось героям-двинцам, много их полегло в этой первой схватке на улицах Москвы, но в конце концов им все же удалось прорваться, и они одни из первых пришли к зданию совета на его защиту.

Но в первые дни борьбы перевес сил и «удача» были на стороне юнкеров и белогвардейцев: юнкера сразу же оказались вооруженными, что называется, до зубов, воинские же части, стоящие на стороне Военно-революционного комитета, были большею частью безоружны и не были еще приведены в полную боевую готовность, у рабочей же Красной гвардии оружия и вовсе почти не было. К тому же меньшевики и прочие соглашатели тянули что есть мочи Военно-революционный комитет ко всяким переговорам о соглашениях с Комитетом общественной безопасности и об организации единого «общедемократического» органа власти. Все это привело к тому, что 27 октября юнке-

рам удалось окружить тесным кольцом Кремль, как уже сказано, встретить двинцев жестоким ружейным и пулеметным огнем, занять телефонную станцию, а утром 28-го занять обманным путем и самый Кремль.

Дело было так. Внутри Кремля, охраняя его, находился в то время 56-й полк, стоявший всецело на стороне Военно-революционного комитета, начальником же кремлевского гарнизона назначен был Военно-революционным комитетом большевик прапорщик тов. Берзин. И вот 28 октября Рябцеву удалось совсем наглым образом обмануть тов. Берзина. Как раз в ночь на 28-е в Москве происходила сильная ружейная и пулеметная перестрелка (с двинцами, у телефонной станции и в других местах), слышимая, конечно, и в Кремле. Кремль также подвергался обстрелу. Но к утру стихло все, прервалось с Кремлем и телефонное сообщение, Кремль был отрезан. И вот в этот-то момент непонятной для тов. Берзина тишины Рябцев потребовал у него немедленной сдачи Кремля, заявив, что большевики разгромлены, вся Москва находится в его, Рябцева, руках, и что он требует от Берзина немедленного и безусловного подчинения, дает ему 25 минут сроку и требует открыть кремлевские ворота, причем обеспечивает солдатам полную «неприкосновенность личности». Телефонное сообщение Кремля с советом было, как сказано, прервано, снестись с кем-либо из Военно-революционного комитета тов. Берзин не мог, и, желая спасти солдат 56-го полка от напрасного кровопролития, он открыл ворота и впустил юнкеров в Кремль.

Ворвавшись в Кремль и захватив его, юнкера подвергли разоруженных солдат 56-го полка зверскому расстрелу. Командир юнкеров приказал солдатам выстроиться около Троицких ворот, и по

ним без всякого предупреждения был открыт жестокий огонь из трех пулеметов. Много полегло тут славных защитников пролетарской революции.

На самом деле никакого разгрома большевиков, конечно, не было. 27 октября, полагаясь на превосходство в то время своих сил и на некоторую нерешительность действий до того времени Военно-революционного комитета и об'ясняя эту нерешительность слабостью большевиков, полковник Рябцев пред'явил Военно-революционному комитету грозный ультиматум: немедленно упразднить Военно-революционный комитет, вывести из Кремля охраняющий его полк и возвратить взятое из арсенала оружие.

В противном случае Рябцев угрожал орудийным обстрелом совета. Конечно, Военно-революционный комитет отверг этот наглый ультиматум, хотя сил у него в ту пору было действительно совсем мало. Юнкера занимали гостиницу «Метрополь», телефонную станцию, почтамт и телеграф. Весь центр города, кроме Тверской улицы, был в их руках, что затрудняло связь Военно-революционного комитета с окраинами города, с рабочими районами.

Отвергнув рябцевский ультиматум, Военно-революционный комитет призвал районы к всеобщей забастовке, которая и началась с субботы 28 октября. Районы начали формировать отряды и направлять их в центр на поддержку Военно-революционного комитета.

Но этим отрядам, состоявшим из воинских частей и Красной гвардии, пришлось выдерживать упорные бои с юнкерами, окружавшими центр города, прежде чем им удавалось прорваться к зданию Моссовета.

Между тем, юнкера стягивали кольцо вокруг Моссовета все теснее и теснее. Начался уже об-

стрел здания Моссовета из орудий, юнкерские б р о н е в и к и шныряли все ближе и ближе. Был момент, когда находящиеся в здании Моссовета стали уже думать, что совет не отстоять...

«Совет они могут взять, но пусть они попробуют взять Сокольники или Благушу»,—так в своих воспоминаниях формулирует общую тогдашнюю горькую за себя, но в то же время и горделивую мысль о рабочих районах один из участников обороны совета.

И высланные из районов на выручку Моссовета отряды все-таки пробились, и с Ходынки, в последнюю, почти отчаянную минуту, подкатила к Моссовету артиллерия...

Первый же меткий выстрел по гостинице «Националь» (теперешний I дом советов) показал юнкерам, как рано еще им пред'являть рабочей Москве ультиматумы.

Рабочие и воинские отряды начали теснить юнкеров. Районы добыли оружие—отыскали на железнодорожных путях вагоны, груженые винтовками, районы добыли снаряды—перевезли их на грузовиках с Мызы Раева, районы покрылись баррикадами, районы окопались окопами. Самостоятельно брали и разоружали районы школы прапорщиков; три района: Благуше-Лефортовский, Басманный и Рогожский, соединившись, орудийным огнем заставили сдаться Алексеевское юнкерское училище, а освободившись от этой «районной» задачи, начали из орудий громить Кремль, вырывая его обратно у юнкеров.

29 октября перевес в борьбе все более и более склонялся уже на сторону войск Военно-революционного комитета и Красной гвардии, которые теснили юнкеров почти повсюду, но Руднев еще держал себя гоголем, ожидая обещанных подкреплений с фронта.

К вечеру 29-го большую палку в колесо борьбы вставил Викжель—Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников, руководимый соглашателями. Через своих уполномоченных он настоял на об'явлении перемирия для выработки условий совершенного прекращения борьбы, угрожая в случае несогласия на перемирие начать беспрепятственно перевозить войска с фронта в подкрепление юнкерам. Перемирие было об'явлено с 12 час. ночи 29-го до 12 час. ночи 30 октября и только затянуло дело победы пролетариата. Результатов оно не дало ровно никаких, ибо Комитет общественной безопасности, в лице Руднева, выставил прямо-таки нахально-нелепые требования: полную безоговорочную сдачу всего Военно-революционного комитета, суд над его членами, сдачу всего оружия, передачу всей власти в Москве городской думе и другие в этом же роде. Само собой разумеется, что такие требования для Военно-революционного комитета были совершенно неприемлемы. С другой стороны, Руднев категорически отверг требование Военно-революционного комитета о передаче власти советам. Так перемирие никаких результатов и не дало.

В следующие три дня после перемирия и Московский Военно-революционный комитет и в особенности районы показали юнкерам и Рудневу, на какую именно «сдачу» они могут рассчитывать со стороны московского пролетариата. Районы охватывали расположение юнкеров все более и более тесным, сдавливающим и душащим их железным кольцом. Были очищены от юнкеров гостиница «Метрополь», телефонная станция, весь Китайгород, Моховая. Началась орудийная бомбардировка городской думы, Александровского юнкерского училища—этого гнезда-берлоги москов-

ской белогвардейщины—и, наконец, бомбардировка Кремля. Юнкера поставили пулеметы на колокольне церкви Василия-Блаженного и на Спасской башне и поливали оттуда пулеметным огнем Красную площадь и смежные улицы. Пришлось направить шрапнельный огонь и на эти «святыни» и «исторические памятники»—иначе юнкеров вы-

Взятие Кремля.

бить оттуда было невозможно. Пролетарии бились как львы, положение юнкеров становилось все более и более безнадежным.

Из провинции, из московских уездов и области вести тоже шли отрадные: там всюду, особенно в фабричных районах, власть перешла в руки местных военно-революционных комитетов, и товарищи из провинции слали свои отряды Москве в подкрепление.

Рано утром 2 ноября Руднев, наконец, обратился в Военно-революционный комитет с письмом о прекращении военных действий. В ответ на это письмо Военно-революционный комитет выставил требования, сводящиеся в основном к следующему: Комитет общественной безопасности прекращает свое существование, юнкера и белая гвардия разоружаются. Положение рудневцев было к тому времени совершенно уже безнадежным, и им ничего более не оставалось, как принять эти условия сдачи под гром и грохот ураганного шрапнельного огня войск Военно-революционного комитета и Красной гвардии.

Со стороны Военно-революционного комитета переговоры об условиях сдачи юнкеров велись тт. П. Г. Смидовичем и В. М. Смирновым.

В 5 час. дня 2 ноября исторический договор о сдаче юнкеров был сторонами подписан. Текст его гласил:

«1) Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2) Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3) Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4) С момента подписания мирного договора обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5) По подписании этого соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются».

В 9 часов вечера Военно-революционным комитетом был издан приказ о прекращении военных действий.

«Революционные войска победили,—говорилось в этом приказе,—юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на-голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабоче-солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (оружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета».

Так кончилась в Москве борьба за свержение власти буржуазии. Пролетариат, гордый сознанием своей силы, вместе с крестьянством начал строить мир по-новому, по-своему.

«Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своею кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

„Слава павшим в великой борьбе!
Да будет их дело делом живущих“.

Так писал Московский Военно-революционный комитет в своем манифесте после победы, обращаясь с подобающей моменту торжественностью ко всем гражданам города Москвы.

В воскресенье, 5 ноября, десять лет тому назад, было опубликовано обращение В. И. Ленина к населению с призывом сплотиться вокруг советов.

«Укрепите их,—писал Владимир Ильич.—Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь... Берите на местах всю власть в руки своих советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукт, транспорт,—все это отныне будет всецело вашим общественным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям практического опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплоатации».

К этим простым, задушевно-золотым словам не прибавишь ничего. Ими и закончим нашу брошюру о том, что было десять лет тому назад.

Цена 40 коп.

Р.

42

